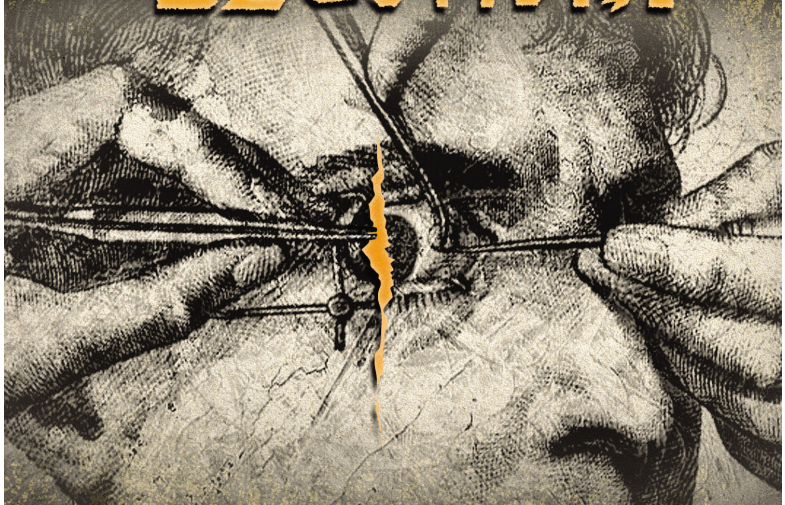

ЧЕМПИОНЫ СТРАХА

ГРАНЬ БЕЗУМИЯ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ • ЮРИЙ БУРНОСОВ
МАКСИМ МАКАРЕНКОВ • ВИКТОР ТОЧИНОВ
АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО • ВАСИЛИЙ ЩЕПЕТНЕВ
АЛЕКСАНДР МАТЮХИН • ОЛЕГ ДИВОВ

Юрий Николаевич Бурносов
Виктор Павлович Точинов
Василий Павлович Щепетнёв
Святослав Владимирович Логинов
Максим Макаренков
Олег Игоревич Дивов
Александр Александрович Матюхин
Александр Карлович Золотько
Грань безумия
Серия «Чемпионы страха»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40860250
Грань безумия. Сборник: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-099035-1*

Аннотация

Эта книга – результат уникального литературного проекта. Два поколения, две волны писателей, работающих в «темных» жанрах, столкнулись в хоррор-баттле, чтобы выяснить, кто из них сильнее?

Представители старой школы, отточившие стиль и сюжет на легендарных литературных семинарах позднесоветского времени,

и дерзкие авторы нового поколения, объединившиеся вокруг сетевого журнала «Даркер» и литературного объединения «Тьма».

Олег Дивов, Святослав Логинов, Василий Щепетнёв, Юрий Бурносов против Максима Кабира, Дмитрия Тихонова, Елены Щетининой и Бориса Левандовского.

Кто из них сумеет вызвать у вас вполне реальное чувство ужаса – решать вам!

Содержание

Темный баттл: битва поколений	7
Юрий Бурносов	13
Святослав Логинов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Олег Дивов, Святослав
Логинов, Александр
Матюхин, Виктор
Точинов, Александр
Золотько, Василий
Щепетнёв, Юрий Бурносков,
Максим Макаренков
Грань безумия
*Сборник***

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без

получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Точинов В.П., предисловие, 2018

© Бурносков Ю., Дивов О., Золотко А., Логинов С., Макаренков М., Матюхин А., Точинов В., Щепетнев В.

© Парфенов М.С., предисловие, 2018

© Кабир М., Кром И., Кузнецов В., Левандовский Б., Павлов М., Тихонов Д., Щетинина Е.

© Составление и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Темный баттл: битва поколений

Эта книга – результат одного из самых оригинальных литературных проектов последних лет.

– Вниманию читателей представлен не просто сборник прозы русскоязычных авторов, работающих в направлениях, обычно именуемых «темными». Рассказы, написанные в поджанрах мистического триллера, хоррора во всех его разновидностях, дарк-фэнтези, саспенса и т. д., делятся на две части, представляющие две волны, два поколения этих жанров. Два подхода к тому, как совершить маленькое чудо: превратить безобидные буквы, покрывающие бумагу или экран, во вполне реальное чувство ужаса, пронизывающее читателя. Две концепции.

С одной стороны выступают авторы старой школы, прошедшие еще Всесоюзные семинары молодых писателей в Малеевке и Дубултах, московский и питерский семинары братьев Стругацких, а потом на долгие десятилетия ставшие флагманами российской фантастики и не только фантастики. Святослав Логинов и Олег Дивов, Василий Щепетнев и Юрий Бурносос в долгих представлениях не нуждаются.

Им противопоставили свои тексты авторы нового поколения, нередко называемого «темной волной», или «новой волной хоррора», – группирующиеся вокруг журнала «Даркер» и литературного объединения «Тьма».

Так уж получилось, что «темная волна» зарождалась полтора десятилетия назад, росла и крепла на глазах у автора этих строк, взиравшего на процесс, надо признать, с немалым скепсисом, и напрасно: работа командой Михаила Парфенова была проделана, без преувеличения, титаническая. Русский хоррор, считавшийся маргинальным жанром и ютившийся жалкой Золушкой на задворках издательских серий, превратился во вполне респектабельное литературное направление, в полноправный сегмент книжного рынка. Сформировалась многотысячная читательская аудитория, ожидающая новых книг. Появился интерес к жанру у крупных издательств.

Схожая метаморфоза произошла и с лучшими авторами «темной волны»: от сочинения наивных, грешащих множеством детских ошибок сетевых текстов, не имевших перспектив бумажной публикации, они продвинулись до издания романов и сольных сборников, написанных вполне уверенно и профессионально. Выросли. Заматерели.

И все же пишут они хоррор, весьма отличающийся от того, что сформировался в конце 80-х и начале 90-х.

Олд-скул, как мне представляется, уделяет больше внимания литературной стороне процесса – напугать читателя ни в коем случае не является самоцелью, лишь средством для решения других авторских задач. Одним из многих используемых средств.

Молодое поколение стоит на иной платформе: пугали, пу-

гаем и будем пугать. Главное – вызвать у читающего чувство страха, прочее вторично. И, надо признать, это как раз то, что ждут читатели, выросшие вместе с новой школой русского хоррора. На сетевых рассказах выросшие, а затем и на бумажных книгах авторов «темной волны».

Имеет место именно мировоззренческий конфликт поколений, связанный с тем, что представители олд-скул и «темной волны» формировались как авторы в очень уж разных условиях.

В былые времена на бумаге не издавали ничего страшнее классиков – Гоголя, Эдгара По и еще двух-трех авторов, а макабрические рассказы Рэя Брэдбери стараниями переводчиков превращались в нечто столь выхолощенное, что едва ли сам автор опознал бы их в обратном переводе. С кинопродукцией дело обстояло схожим образом: ничего страшнее старой версии «Вия» и японской «Легенды о динозавре» до массового зрителя не доходило. Разумеется, позже плотины рухнули – и на бывших советских читателей и зрителей обрушился натуральный водопад фильмов и книг самых разных оттенков темного жанра. Но в том-то и дело, что авторы старой школы к тому времени уже были взрослыми сформировавшимися людьми и писателями.

Авторы «темной волны» в этом потоке, в этом водопаде росли. Ориентируясь на него, приступали к первым своим прозаическим опытам. Неудивительно, что тексты их базируются на иных, чем у старой школы, принципах.

Споры о том, какой хоррор правильный, а какой не очень, не прекращаются уж который год. Доходит до смешного: сторонники хардкора порой отказываются считать хоррором рассказы, побеждавшие на профильном хоррор-конкурсе «Чертова дюжина».

На самом деле смысла в таких спорах немного. Не стоит, наверное, в борьбе за чистоту жанра загонять хоррор в гетто, огораживать высокой кирпичной стеной и не пускать туда чужаков. Чем шире границы жанра, чем многочисленнее его целевая аудитория, тем лучше для всех – и для авторов, и для издателей, и для читателей.

Оба подхода имеют право на существование, если в результате их воплощения получаются захватывающие истории, не дающие уснуть, пока не будут дочитаны.

Хотя, если ставить во главу угла стремление непременно напугать читателя, возможен любопытный побочный эффект. Страх ведь сродни наркотику: происходит привыкание, и дозу приходится увеличивать и увеличивать для достижения прежнего результата. Хорошо знаю это по собственному опыту – первым западным ужастиком, что мне довелось посмотреть (в видеосалоне, помните такие заведения?), стал «Американский оборотень в Лондоне». Фильм оставил неизгладимое впечатление, показался реально страшным. Несколько лет спустя пересматривал и изумлялся: да неужели ЭТО действительно напугало? Эффект привыкания...

Проект «Темный баттл» не призван выяснить, кто именно – олд-скул или «темная волна» – пишет лучше. И те, и другие пишут хорошо, талантливо, коли уж имеют многочисленных верных читателей, с нетерпением ожидающих новых книг. Задачи у антологии иные. Во-первых, презентовать читателям старой закалки молодых авторов «темной волны»: познакомьтесь, убедитесь, что штамп «Ужастик, второй сорт» давно устарел, что Владимир Кузнецов, Максим Кабир, Дмитрий Тихонов и их соратники пишут тексты, далеко выходящие за рамки непритязательной жанровой литературы. Во-вторых, продемонстрировать другим читателям, выросшим на серии «Самая страшная книга», что спектр темных жанров значительно шире, чем может показаться при ее чтении.

На самом-то деле не столь уж важно, в какую именно категорию – в хоррор или в мистический триллер, или в какую-то иную – запишут рассказанные здесь истории критики или ревнители «чистоты жанра». Главное – чтобы читатель над ними не скучал.

И я, как один из составителей, обещаю: скучно не будет.

*Виктор Точинов,
август 2018 г.*

Юрий Бурносов

Где бродят лишь дикие звери

Идти в побег вообще никто не собирался.

Когда полуторка, пошедшая юзом на обледенелой дороге, кувыркнулась под откос, в мерзлый глубокий снег, все, кто находился в кузове, рассыпались по обочине, как горох. Таганцева выбросило особенно далеко и приложило о ствол дерева так, что он лежал на спине и коротко, урывками, дышал, глядя в низкое серое небо.

Страшно кричал конвоир Копенкин, придавленный бортом перевернувшегося грузовика. Хороший в общем-то человек, который мог отсыпать чуток махорки и не тиранил заключенных. Сейчас у него изо рта лилась кровь и лезло что-то сизое, чем он давился и захлебывался.

В раздавленной кабине были мертвы оба – и водитель-армянин, и капитан Шлыга. Расколотое лобовое стекло рассекло голову капитана на уровне переносицы, и верхняя часть черепа валялась на снегу, словно жуткая кастрюля с розово-красным желе.

– Рвем! – хрипло заорал уголовник Керя, оглядываясь по сторонам. Он совсем не пострадал в аварии и сейчас общаривал труп второго конвоира Хасматова; забрал у него патроны к карабину, банку консервов и зачем-то пластмассо-

вую расческу. Потом он что-то прикинул и снял с конвоира шинель. Надел на себя, одернул полы – шинель явно великовата, Керя был мелкий дрыщ, но пар костей не ломит, как говорится.

Таганцев попытался встать, но у него не получилось. Помог Граве, немолодой бывший комкор, кажется, из летчиков.

– Вставайте, вставайте, Коленька... – бормотал он, подтягивая к себе безвольное тело Таганцева. – Вот так, вот так... Молодец, молодец...

Граве прислонил Таганцева к стволу дерева.

– Пойдите немного, – велел он.

Дышать сразу сделалось легче, и Таганцев понял, что ни до какого прииска Лучезарного они уже не доедут. Что конвой во главе с капитаном Шлыгой мертв, что даже бедняга Копенкин перестал уже хрипеть и дергаться, подавившись собственными кишками, и совершенно нельзя понять, что же теперь делать, куда идти и как жить дальше.

Зэки – из тех, кто выжил – тоже тупо сидели на снегу или слонялись вокруг в опускавшихся сумерках.

– Рвем! – снова закричал Керя, размахивая карабином Хасматова. – Кто со мной, братва?!

– погоди ты орать, – сухо сказал Граве и пошел к раздавленной кабине полуторки. Он долго там возился, вылез с вещмешком и пистолетом в руке. Подошел к Копенкину, страшно торчавшему из-под борта, обшарил, что-то достал и сунул в карман.

– Бензин бы слить, – сказал бывший комкор, озираясь. – Пригодится бензин.

– Рвем, фашист ты чертов, – крикнул Керя. – Вон фары, щас нас тут всех положат из автоматов!

В самом деле, на дальнем подъеме сверкнул свет фар автомобиля. Таганцев сделал пару шагов, отлепившись от дерева, и понял, что в принципе он в порядке, ходить может, думать тоже. Фары сверкнули снова, и Таганцев побежал в лес, спотыкаясь и падая. Боковым зрением он видел, что за ним бегут Керя, бывший комкор и еще три каких-то зэка. Чем дальше от дороги, тем снег становился более рыхлым и глубоким, но Таганцеву было плевать, потому что он вернулся на свободу. Впервые за три года. И пока совершенно не знал, что он с этой свободой будет делать.

* * *

Остановились они километрах в пяти от дороги, на маленькой опушке. Только теперь Таганцев разобрался, кто же пошел в побег вместе с ним и бывшим комкором. Уголовник Керя, раскулаченный бородач Зот Ивлев, очкастый Муллерман – кажется, какой-то деятель Коминтерна или МОПРа и совсем юный Костя Жданов, мотавший три года за участие в антисоветском кружке.

– Тебя-то куда хер погнал?! – осведомился у Кости уголовник, тяжело дыша и запихивая в рот комья снега. – Тебе

полтора года осталось сидеть и к маме на блины, остался бы у машины, еще скинули бы малёк.

– Я не знаю, – Костя пожал плечами. Он был одет в телогрейку размера на два больше. Стриженная голова торчала из воротника, словно желудь, а шапку Жданов потерял.

– Не знает он, – буркнул Керя. – Ну и хули мы будем дальше делать, а, хевара?! Вот ты, фашистская морда, чего скажешь?

– Я не фашистская морда, – с достоинством сказал Граве. – Я – японский шпион. Но для начала я предложил бы провести ревизию нашего имущества, особенно продуктов и оружия.

Ревизия много времени не заняла. «ТТ» покойного капитана Шлыги с двумя обоймами, карабин Хасматова, к нему сорок два патрона. Две буханки хлеба и еще несколько обломанных кусков, пять банок рыбных консервов из вещмешка водителя, обрывок краковской колбасы, две воблы, мокрый бок соленой горбуши в газетине, складной нож. Спички, неполный коробок.

– Чего ж покурить никто не взял, а?! – суетился Керя. – У капитана, небось, портсигар был и у вертухаев махра, хули ж никто не взял?!

– Заткнись ты уже. Не мельтеши, – устало сказал Зот Ивлев.

– Чего?! – удивился Керя. – Чего ты вякнул, борода?! Ты, пададь, царское прошлое, эксплуататор, чего сказал?!

Зот молча отвернулся.

– Давайте прекратим прения, – командным голосом произнес Граве. – Мы сейчас в одной лодке, так сказать, и любая ссора нам только повредит. Полагаю, разбитую машину уже обнаружили, следы на снегу видны хорошо, но пока придет отряд, мы можем уйти довольно далеко. А если случится снегопад, нам вдвойне повезет.

– Куда идти-то? – спросил Ивлев.

– На муда, – ответил Керя злобно.

– Я думаю, мы должны идти на запад, к населенным пунктам. Если честно, я совершенно не понимаю, что мы будем делать дальше, но не здесь же помирать... – Граве высморкался и вытер пальцы об штанину. – Если у вас есть иные мнения, я готов выслушать.

Все молчали. Керя погладил приклад карабина, посопел и сказал:

– Ты, командир, вроде понимающий, тебя командовать учили. Хрен с тобой, как скажешь, так и сделаем. Но если поелде всё дело пойдет, прости, сам тебя завалю.

– Затрахаетшься, – спокойно парировал Граве.

Керя уставился на бывшего комкора, открыв рот, а потом расхохотался и хлопнул себя по коленям.

– Крой, фашист! – воскликнул он. – Верю в тебя, vedi. Главное, чтобы мы тут в тайге не сдохли, а уж там разберемся, кто пахан и кто говно.

– Я не фашист, я японский шпион, – напомнил Граве.

– Одна малина, все равно сволочь.

* * *

Они шли всю ночь, остановившись ненадолго, чтобы разделить хлебные обломки. Жевали их на ходу.

Температура, по прикидкам Таганцева, держалась что-то около минус пяти, по нынешним местам, можно сказать, тепло. Лишь бы днем снег не начал подтаивать, промокнут ноги к чертовой матери, и с деревьев закапает...

Шли цепочкой в лунном свете, словно волки. Идущие впереди регулярно менялись, не трогали только Костю Жданова, он был замыкающим. Отпахал свое и Таганцев – притом ему повезло, как раз вышли к журчавшей подо льдом неопознанной речушке. Снег с нее почти смелó, он лежал ниже чем по колено. Не сговариваясь, по реке прошли километра два, после чего свернули обратно в лес, и Граве объявил привал.

– Костерок бы развести, – произнес Керя, садясь на поваленную лиственницу и ставя карабин между ног.

– Нельзя, – покачал головой Граве. – Свет. Днем разведем.

– Да кто тут есть?! Тайга кругом.

– В тайге охотнички. Им за нашего брата денежку платят, – пробубнил кулак. – Помню, с Пасмурного трое бежали, так охотнички-коряки всех стрелили, бошки потом в мешке принесли, им спирту дали и денег.

– Хрен с вами, не жгите, – Керя принялся отряхивать снег с пол длинной конвоирской шинели. Луна светила ярко, пробиваясь сквозь ветви, и Таганцев видел всех почти как днем, только серо-синими, мертвенными. Глаза тускло поблескивали.

– Тут и кроме охотников много разного.

Это сказал Муллерман, сидевший на корточках в сторонке. Все повернулись к нему.

– Звери, что ль? – спросил уголовник.

– И звери, и еще всякое.

– Дедушка леший? – Керя засмеялся. Муллерман резко поднялся:

– Не нужно ночью такое поминать! Я в свое время ездил по очень отдаленным уголкам Сибири, разного наслушался. Народ зря не придумает, уверяю.

Граве с интересом посмотрел на Муллермана.

– Вы этнограф?

– В очень незначительной степени. Проректор Коммунистического университета трудящихся Востока при Коминтерне. Но покатался по стране. В здешних местах, правда, не был, но Иркутск, Якутия... Разного наслушался, – повторил Муллерман.

– Еврей дело говорит, – сказал Ивлев. – У нас, помню, в деревне...

– Да заткнитесь вы уже, – возмутился Керя. – И так веселья мало, вы еще про чертей тут. Нет никаких чертей. Челю-

века бояться надо, охотника вон, как куркуль сказал.

Все помолчали. Вокруг было тихо, только поскрипывали стволы деревьев на легком ветерке, да где-то очень далеко вскрикнула ночная птица. Граве приподнял рукав телогрейки и взглянул на часы со светящимся фосфорным циферблатом, закрытым металлической решеточкой.

– Три сорок. Пора дальше двигаться.

– Откуда котлы, фашист?! – искренне удивился Керя. – Неужто у капитана помыл? И когда только успел...

– Ему они все равно были не нужны. Там еще пистолет-пулемет был, ППД, но не достать было, зажало педалями, – сухо поведал Граве и махнул рукой. – Вставайте, следующий привал через четыре часа.

Но четыре часа до привала они не продержались. Повалил снег, идти стало гораздо труднее, еще и луна спряталась.

Первым не сдюжил кулак Ивлев, а вовсе не тщедушный Муллерман или мальчик Костя Жданов. Кулак просто упал в снег и лежал там, пока Керя не вернулся и не пнул его ногой.

– Э, куркуль! – крикнул он. – Подъем, встал-пошёл!

– Не могу, – глухо ответил Ивлев. – Сил нету.

– А от бедноты пшеничку ховать были силы?!

Ивлев не ответил, уткнувшись лицом в снег. Керя пнул его еще раз, Ивлев не реагировал. Таганцев стоял рядом, он бы тоже с удовольствием прилег, но понимал, что вряд ли встанет.

Подошел неожиданно бодрый Муллерман, присел на корточки и принялся уговаривать кулака:

– Зот Михайлович, вставайте. Скоро привал, там отдохнете... Покушаем, посидим...

Кулак трудно заворочался в снегу, поднялся на четвереньки. Муллерман помог ему встать.

– Сдохнем мы тут все, – серо сказал Ивлев, отряхивая снег с телогрейки. – Сдохнем. Лучше бы я у машины остался.

– Чего ж побежал? – спросил Керя.

Ивлев не ответил, сорвал еловую веточку, пожевал.

– Идем дальше? – уточнил Граве. – Или привал?

– Один черт, – сказал Ивлев. – Сдохнем. Или ты не видишь, енерал, что за нами смотрят? Скрадывают нас вроде как.

Таганцеву стало совсем нехорошо, он заозирался; слова Ивлева были плохие, гадкие, веяло от них смрадом и тленом. Никто, конечно, не смотрел за ними из леса, ни медведь и ни россомаха...

– Что вы такое говорите, Зот Михалыч, – вытолкнул из себя Таганцев. – Не надо.

– Не надо так не надо, – скучным голосом согласился кулак. Он пошатнулся, Таганцев поддержал его, с другой стороны Ивлева подпер Муллерман.

– Найдем более-менее подходящее укрытие, там отдохнем, – решил бывший комкор.

Укрытие нашлось быстро: изрядная пещера под корня-

ми огромного вывороченного кедра. Из нее, как могли, выгребли снег и забились туда всей компанией. Таганцев угодил между бывшим комкором и Костей Ждановым, поэтому быстро пригрелся и задремал. Даже начал видеть сон, но тут Костя задергался и застонал, а Граве шепотом спросил:

– Коленька, а вы воцерковлены?

– Я атеист, – честно ответил Таганцев.

– Я вот тоже, – с каким-то сожалением сказал бывший комкор. – Последний раз в храме был еще в девятьсот пятнадцатом, в Вильно... Помню, батюшка тамошний очень толстый был, а борода жиденьякая совсем, рыжеватая. А после напились, и штабс-капитан Воротилин застрелился. Выйду, говорит, воздухом подышать, а потом унтер вбегает и говорит – там их благородие того-сь... В висок из «браунинга». А мы даже выстрела не слышали за картами, партией в баккара, я выигрывал как раз. Зачем память все это хранит, с какой целью?

– А вы почему спросили, Артур Манфредович?

– Про воцерковление? Признаюсь, напугал меня Ивлев. Тоже постоянно кажется, что за нами следят.

– Возможно, звери?

– Надеюсь, что звери. Надеюсь... Спите, Коленька, скоро вставать. Снег вроде перестает.

Таганцеву опять приснился допрос, только на сей раз у следователя Цудейкиса были светящиеся молочно-розовые глаза, и он протягивал не пачку папирос «Блюминг», а полную пригоршню чего-то скользкого и шевелящегося. Совал Таганцеву прямо в лицо, ласково предлагая:

– Угощайтесь, гражданин Таганцев. Угощайтесь. Угощайтесь...

С коротким вскриком Таганцев открыл глаза. Светало, снег окончательно прекратился. Он сидел в пещерке под выворотнем в компании кулака Ивлева и безмятежно спящего Кости Жданова, совсем неподалеку неразборчиво звучали голоса. Таганцев выбрался из укрытия, с болью разгибая суставы, и увидел, что Керя держит на мушке коренастого мужичка лет пятидесяти, а может и больше – поди разбери по небритой замурзанной физиономии под треухом. На ногах мужичка были широкие самодельные лыжи.

Тут же стояли Граве и Муллерман. Граве, похоже, допрашивал мужичка.

– Сколько примерно километров до поселка?

– Так каламетров тридцать, – отвечал мужичок, испуганно зыркая глазами по сторонам. На снегу поодаль валялись засаленная котомка и ружье, древняя с виду одностволка.

– Это не ты тут ночью вокруг вертелся?! – рывкнул Керя,

угрожающе дергая стволом карабина.

– Да я ж только вот пришел...

– Не брешешь? Сколько вас тут?!

– Да один он, один, – остановил оскалившегося уголовного Граве. Мужичок с надеждой посмотрел на комкора и шмыгнул носом. Муллерман наконец увидел Таганцева, подошел к нему и доверительно прошептал:

– Местный. Ну как местный – вот, говорит, тридцать километров до поселка, про наш побег не в курсе, идет к куму в гости.

– А зачем нам поселок? – также шепотом осведомился Таганцев.

– Поселок нам вовсе не нужен, – покачал головой экс-проректор. – Да и название ничего не говорит, дыра, наверное, какая-то.

Мужичок тем временем потоптался лыжами в снегу и попросил:

– Товарищи, братцы... Я ваше дело понимаю, беглые, то сё, но вы меня пустите, пожалуйста. Говорю же, к куму иду. Покамест я дойду, вы уже далеко будете, да я и говорить ничего не стану, себе хуже, уполномоченный замучает – где видал да кого, да чем помог, да не заодно ли... Хотите, так свяжите меня, только так, чтоб развязался помаленьку.

– Что в сидоре? – спросил Керя.

– Котелок, чай, сало, сахару немного, – с готовностью принялся перечислять мужичок. – По мелочи разное. Вы бери-

те, если хотите, мне не надо. Я так дойду.

Керя быстро, мельком взглянул на Граве, тот коротко кивнул. Керя опустил карабин, прислонил его к дереву.

– Давай сюда сидор, – велел уголовник.

Мужичок неловко развернулся на своих коротких лыжах, нагнулся к котомке. Таганцев даже не успел заметить, как в руке уголовного появился складной нож. Он метнулся к мужичку и воткнул лезвие куда-то в горло. Таганцев в ужасе отвернулся, услышал короткий хрип и хруст снега.

– Зачем?! – воскликнул Муллерман.

– Прибрал, – сообщил Керя. – Пойду похезаю.

Кто-то потряс Таганцева за плечо. Это был Граве, он смотрел печально, сказал:

– Так надо было. Слишком многое зависело от того, отпустим мы этого мужика или нет.

– Привязали бы, как он просил...

– Коленька, зря вы вылезли. Лучше поспали бы еще часок. А то позавтракаем и пойдем.

Мужичок ничком лежал в снегу, рука была протянута к котомке. Из-за кустов доносились отвратительные звуки – это испражнялся Керя. Экс-проректор Коммунистического университета трудящихся Востока бочком подошел к котомке, развязал узел и сказал, заглядывая внутрь:

– Точно, сало. И котелок. Надо в самом деле костер развести, попить горячего.

Горячий несладкий чай с хлебом, колбасой и горбушей согрел Таганцева. Остальные тоже приободрились, передавая по кругу котелок. Даже мрачный кулак отдувался и говорил:

– Чаю выпить – самое то. Помню, у нас в деревне если сядем чаевничать, то, бывалоча...

– Что дальше будем делать, а? – перебил его Керя. Он с чмоканьем обсасывал рыбий хвост. – Поселок нам на хрен не нужен.

– Тут вблизи больше ничего и нет, – сказал Граве. Его тонкое интеллигентное лицо хмурилось, комкор что-то напряженно обдумывал. – Но поселок маленький, там все друг друга знают, новые лица сразу привлекут внимание... тем более такие...

– Надо к большому городу идти, – заключил уголовник. – Поселок обойдем, заодно и определимся, куда дальше хрять.

– Согласен, – кивнул Граве.

Одностовлку убитого мужичка, к которой имелось семь патронов, отдали Зоту Ивлеву.

– Тебе небось обрез привычнее, – пошутил Керя. Кулак не обратил внимания, со знанием дела проверил ружье и повесил на плечо, сказавши:

– Говно, а не оружие.

Ярко светило солнце. Идти было по-прежнему тяжелова-

то, снег – глубокий, а к Таганцеву прицепился Костя Жданов.

– Как вы думаете, они правильно этого человека убили? – спрашивал он, то и дело чуть не падая и хватаясь за рукав Таганцева.

– Наверное, правильно.

– А вы за что отбываете?

Ишь, подумал Таганцев, не сидите или мотаете, а отбываете.

– Да примерно за что и ты. Контрреволюционная организация.

– Зря я тогда Даньку Грушина послушал, – виновато сказал мальчик Костя. – Приходи, говорит, это интересно, тайное общество... Если бы вместо этого в кино пошел, ничего бы не было. И мама бы не плакала. В кино как раз «Гибель сенсации» шла, про восстание механизмов...

Костя тяжело вздохнул и пожаловался:

– Наверное, зря я сбежал. Но теперь поздно уже.

Таганцев промолчал в ответ.

Настроение у него было паршивое. Солнышко, более-менее полный желудок, горячий чай – ничто не радовало. К тому же вокруг было слишком тихо. За время, проведенное в лагере, Таганцев уже хорошо знал звуки леса, и сейчас их было слишком мало. Живности вокруг тоже не наблюдалось, а главное – следов на снегу.

Со своими мудрыми наблюдениями Таганцев ни к кому

не полез: еще высмеяли бы, тоже мне, дескать, Джульбарс нашелся. Он вообще старался молчать. Молча шел, выслушивая грустные воспоминания и сетования Кости Жданова, молча съел свою долю рыбных консервов на обеденном привале. Но после того как они перевалили сопку и небо начало угрожающе темнеть, Таганцев первым заметил дом и окликнул идущего первым Граве:

– Артур Манфредович!

Граве, таранивший снег с низко опущенной головой, остановился и обернулся.

– Артур Манфредович, там что-то есть. Кажется, избушка.

И Таганцев показал пальцем на чернеющий среди заснеженных деревьев сруб.

* * *

Дом оказался не избушкой и вообще не домом. Это была часовня. Высокая, сложенная из массивных бревен, с узенькими окнами под самой крышей и небольшой башенкой наверху. Деревянного креста на башенке не было, он валялся внизу в окружавшем часовню густом кустарнике. Перекладыны оторвались и перекосились.

Дверь была сорвана с петель и тоже торчала из снега рядом с крыльцом. Здание выглядело давным-давно заброшенным, через дверной проем виднелись начало лестницы, кру-

то уходящей наверх, и разошедшаяся бочка.

Зот Ивлев размашисто перекрестился, зашевелил губами – молился, наверное. Керя попробовал ногой заснеженные ступени крыльца. Кстати, снег снова повалил, усиливаясь с каждой секундой и грозя перейти в пургу.

– Это же православная церковь? – тихо поинтересовался Костя Жданов. – Получается, где-то рядом деревня?

– Это часовня, – сказал Муллерман, – не церковь. А часовни где угодно ставили. Было явление какому-нибудь охотнику или шишкарю, Богородица или ангел привиделись – вот и часовня. Хотя насчет православной не знаю, кому тут только не молятся.

– Но вот же крест...

– А что крест? – обернулся уголовник, снимая с плеча карабин. – Вон у Гитлера вашего тоже крест.

Костя сердито нахмурился на «вашего Гитлера», но промолчал. Керя, громко топая, поднялся на крыльцо и скрылся внутри часовни. В лицо Таганцеву хлестнуло снеговым зарядом.

– Идемте внутрь, – приказал Граве. – Все равно ночевать, вон погода как испортилась, так где мы лучше место найдем?

Один за другим они вошли в часовню.

– Дверь бы прикрыть, – сказал кулак.

– Оторвана же.

– А попробую приладить.

Ивлев вернулся, завозился у крыльца, выгребая из снега

дверь. Таганцев тем временем огляделся. Маленькие оконца под самым потолком давали ничтожное количество света, но и рассматривать внутри было особенно нечего. Наверх, на балкончик и в башенку, уходила уже упомянутая лестница, выглядящая трухлявой и полуразвалившейся. В одной стороне имелось возвышение – алтарь или аналой, Таганцев совершенно не разбирался в церковном устройстве и убранстве.

– погоди, не закрывай! – окрикнул Керя кулака, прилаживавшего дверь в проеме. Уголовник возился с чем-то на полу, зашуршали спички, чиркнуло, пыхнуло. Керя поднялся с колен, держа в руке импровизированный факел.

– Тут всякого говна и тряпок полно валяется, – поведаль он. – И палки всякие, щепки. Пороха чуток сыпанул, вот вам и светоч революции, хе-хе... Всё, куркуль, теперь можешь закрывать боржом.

Кулак кое-как пристроил дверь, подпер отвалившимся от лестницы перилом.

– Не устройте пожар, – предостерег уголовного Граве.

– Я тебе не валет какой, с огнем умею обращаться.

В свете факела внутренность часовни приняла более уютный вид. Бревенчатые мрачные стены словно немного расступились. Посередине белел насыпавшийся через выбитые окна башенки снег, в темном прежде углу высветились еще несколько бочек.

– Ну-кась, – сказал Керя, шагнув к ним. – Вдруг жратва.

– Ага, капусты тебе там наквасили, – невесело пошутил Зот Ивлев. Керя, посветив факелом, заглянул внутрь ближней бочки и отшатнулся.

– Тут шкилет!

Костя вцепился в локоть Таганцева, Ивлев снова принялся креститься. Муллерман обошел застывшего уголовника, аккуратно взял у него факел, посветил в другую бочку, в третью. Невозмутимо поправил очки.

– Что там, товарищ Муллерман? – спросил Граве.

– Действительно, кости. Человеческие черепа. В принципе, ничего ужасного...

– Ты охерел, очки?! – Керя вырвал у экс-проректора факел. – Целые бочки шкилетов?! И ничего ужасного?

– У северных народов довольно непривычные для нас традиции погребения. Это связано и с тем, что земля сильно промерзает, и с рядом верований, и с другими вещами... Устраивают могилы поверх земли, подвешивают гробы на деревьях, ставят на высокие помосты. Возможно, и здесь какая-то разновидность верований.

– В православной часовне? – уточнил Граве.

– Как я уже сказал, здесь чему только не молятся.

– Чему?

– Чему и кому, – пожал плечами Муллерман. – Ненцы совершали человеческие жертвоприношения еще десять лет назад, я видел свидетельства.

Керя еще раз глянул в бочку, сплюнул.

– Ну и часовня если и была православной, то давно заброшена. А использование чужого, хм, враждебного, культового сооружения в качестве собственного – ритуал известный, он как бы даже усиливает воздействие...

– Стоп, – жестко сказал бывший комкор. – Товарищ Муллерман, мы все-таки не на лекции в вашем Коммунистическом университете.

– Да кто бы там мне позволил такие лекции читать, – вздохнул Муллерман. Он снова взял у уголовного факел – тот от неожиданности выпустил его из рук – и поднес к стене над бочками. В неверном свете пламени показались корявые значки, написанные на бревнах чем-то оранжевым. – Письмена...

– Я сказал – стоп, – повторил Граве. – Это все очень интересно, но меня волнует совсем другое: мы здесь можем переночевать?

– Я бы не стал, ну его на хер, – сказал Керя.

Ответом на слова уголовного стал ветер, взывший снаружи и ударивший в стену. Сверху, из башенки, осыпалась груда снега, а узенькие окна налились чернотой.

– Не пойдем, сгинем там все, – прогудел кулак.

– Я тоже так думаю, – согласился Муллерман.

– Тогда осторожно разводим костер и ночуем. Только кто-то постоянно должен дежурить у двери. Первым – Костя, – распорядился Граве. – Ночь ночью, а поисковый отряд может явиться в любое время. Или медведь.

– А ружье дадите? – спросил Костя. Граве молча кивнул кулаку, тот нехотя скинул с плеча и протянул мальчику одностволку с напутствием:

– В ногу себе не стрельни, малец.

* * *

Костер разложили на куске ржавой жести, обнаруженном все тем же пронырливым Муллерманом. Ученый – а теперь Таганцев называл его про себя именно так – соорудил уже третий по счету факел и лазил с ним по всей часовне. Пытался даже взобраться по лестнице, но остановился, когда под ним с треском сломалась ступенька.

Сам Таганцев помогал с костром, по часовне бродить поостерегся, тем более соваться в кошмарные бочки с костями. Очень хотелось есть, но сало почему-то в горло не лезло, и Таганцев с трудом протолкнул в себя пару ломтиков, зажав снегом.

Вернувшись к костру, Муллерман покосился на спящего Керю, не выпускавшего из рук карабина, и таращившегося в огонь кулака, и сказал:

– Товарищ Граве и вы, Коля. Я ровным счетом ничего не понимаю.

– Нашли что-то любопытное? – без особого интереса спросил бывший комкор, протирая тряпочкой пистолет.

– Эти письма... Некоторые я совершенно не опознал.

Некоторые похожи на старомонгольское письмо, другие – вон там, – Муллерман махнул рукой в сторону то ли аналая, то ли алтаря, – совсем странные. Я не ручаюсь, конечно, но сказал бы, что написано по-арамейски.

– Что это нам дает?

– Ума не приложу. – Муллерман оглянулся на Костю Жданова, бдительно дежурившего у двери с ружьем на изготовку. – Этого здесь никак не должно быть, ну старомонгольский еще ладно... А уж в сочетании с этими бочками мне очень всё вокруг не нравится.

Вокруг часовни завывал ветер, бревна изредка поскрипывали и вздыхали. Керя во сне что-то пробормотал и почти по-детски захныкал.

– Сектанты? Хлысты какие-то, скопцы? – предположил Граве.

– Как я уже говорил, в здешних местах чему только не молятся. Но хлысты и скопцы довольно безобидные люди в сравнении с тем, что...

Договорить Муллерман не успел, потому что от двери грохнул выстрел. Коля отскочил в сторону, подняв кверху дымящийся ствол ружья, и шарил в кармане, ища новый патрон. Запасных патронов ему, правда, и не давали.

– Что там?! – крикнул Косте комкор. Все повскакивали с мест, уголовник судорожно задергал затвором карабина.

– Там кто-то был! Подошел прямо к двери!

– Ты его разглядел?

– Н-нет... То есть вроде бы человек, но...

– Дай сюда, – Граве отобрал у Кости ружье и бросил кулаку. Ивлев ловко поймал его на лету. Граве на цыпочках подкрался к двери и заглянул в широкую щель. Смотрел несколько секунд, потом так же на цыпочках, задом, отошел и повернулся к костру. На лице бывшего комкора было крайне странное выражение, смесь страха и удивления.

– Вы не поверите, но это наш покойник.

– Кхакой покойник?! – выдохнул Керя. Кулак перекрестился.

– Да которого ты зарезал. Пришел и стоит там, метрах в пяти от крыльца.

– Фуфло гонишь, фашист! Я его чисто запорол, рука набита!

– Иди сам глянь, – предложил Граве.

Керя подошел, посмотрел в щелку, выругался, потом выбил ногой улетевшую в свистящий мрак дверь и несколько раз выстрелил из карабина.

– Готов.

– Зря вы это с дверью, – сказал Муллерман. Керя злобно цыкнул на ученого и вышел наружу. Вернулся быстро, весь облепленный снегом; на себе он волок дверь, которую пристроил на место. Вернулся к костру, схватил с расстеленной тряпицы кусок сала, сунул в пасть и пробубнил, жуя:

– Я ему весь шаробан разнес, только тогда упал... А горло порезано как надо, кровища замерзла давно, и сам он хо-

лодный. Очки, что скажешь за мертвеца? Хочешь, сам иди позекай.

– Не имею ни малейшего желания, – покачал головой ученый. – Вам верю. Не стоило нам здесь ночевать, но и вариантов никаких нет... Пурга, насколько я могу судить, только усилилась.

– Куркуль, читай молитвы, – велел уголовник Ивлеву, беря еще один кусок сала. – Может, до утра продержимся с твоим господом-то.

До утра они не продержались.

* * *

Около часа сидели, подбрасывая в костер доски. Спать никто не решался, у двери вызвался дежурить Таганцев. Ему было настолько страшно, что даже интересно.

Дверь уголовник приспособил в проеме кое-как, в щели дуло и бросало снегом. В мечущихся снежных полотнищах изредка мелькали ближние деревья, больше ничего видно не было, включая двукратно убитого Керей мужичка. В голове Таганцева вертелись какие-то отрывочные детские воспоминания. Брянск, ночь, бабушка Лукьяновна рассказывает перед сном страшные сказки про мертвецов. Особенно запомнилась Таганцеву история про мертвую мать, приходившую кормить своего ребенка грудью...

– Шесть часов, – громко сказал за спиной Граве, глядя на

часы. Таганцев дернулся от испуга. — Часа через три светать начнет. Тогда мы...

На дверь обрушился мощный удар, Таганцев отлетел в сторону. Отлетевшей подпоркой его приложило по зубам, рот тут же наполнился кровью. Ружье потерялось в снежной круговерти, влетевшей в дверной проем, но там был не только снег. Там было что-то еще.

Костер почти сразу потух, светился лишь упавший на пол факел. В его отблесках по стенам плясали паукообразные значки. Сверкнул выстрел из карабина, за ним другой. Раздался рев, в зоосаде так ревел лев, требуя ужин. Но это был не лев и не медведь — Таганцев понял это, когда Муллерман схватил с пола факел и ткнул его в морду тому, кто ворвался в заброшенную часовню.

Огонь почти сразу погас, словно окунулся в воду, но Таганцев успел увидеть узкие глаза-щели, приплюснутые ноздри, ослепительно белые клыки и изогнутые, как у барана, рога над низким лбом, поросшим шерстью. Все это нависало над Муллерманом и, несомненно, тут же убило его — раздался только короткий вскрик.

Таганцев обмочился, но текущая по ногам горячая жидкость лишь подтолкнула его к тому, чтобы вскочить наконец с пола и броситься прочь из часовни. На крыльце он споткнулся об упавшую дверь и снова упал. Тут же об него запнулся кто-то еще, закричал:

— Пистолет! Я уронил его, где пистолет?!

Граве, понял Таганцев, и лежа зашарил по полу. Наткнулся на ледяной металл, неуклюже, стволом вперед, сунул его за спину. Пару мгновений ему казалось, что сейчас его схватит за ноги то страшное, рогатое и поволочет обратно в часовню, но его схватил Граве и не за ноги, а за шиворот.

– Бежим! – крикнул он, таща Таганцева в метель. В часовне грохнуло еще несколько выстрелов – видимо, Керя дорого продавал свою уголовную жизнь – и стихло, сменившись чем-то вроде громкого хлопанья.

– Бежим, бежим!

Таганцев в очередной раз споткнулся, упал на колени в снег. Граве едва ли не пинком поднял его, заорал:

– Ты жить хочешь?! Беги!

И Таганцев побежал.

Он бежал во тьму, в метель, то и дело натыкаясь на стволы деревьев и колючие ветви замерзшего кустарника. Выплывавая так и продолжавшую бежать изо рта кровь и понимая, что самую главную ошибку в жизни он совершил, когда пошел в побег. Сейчас он еще спал бы в теплом бараке, а потом его ждали бы завтрак и вывод на работу, и бачок с теплым рыбно-крупяным хлебовом, и отбой...

Таганцев успел еще вспомнить, что старичок Зорн, бывший жандармский полковник, должен ему пайку хлеба. Потом он оступился и полетел куда-то вниз, теряя в падении сознание.

– ...если идти не сможет, надо прямо тут его сделать, – вполголоса произнес кто-то.

Таганцев открыл глаза.

Точнее, он попытался открыть глаза, но не смог – они были словно залиты клеем. Сквозь клей пробивался желто-красный слабый свет. Все тело болело, рот опух. Таганцев лежал на спине на чем-то мягком. Было холодно, очень холодно.

– Суди сам, командир: без бациллы никак, все там осталось...

Это говорил Керя. Разговаривал он явно с комкором. И Таганцев даже понимал, о чем вел речь уголовник – прикончить его, Таганцева, и разделать на мясо, чтобы потом есть в побеге. Таких историй в бараке Таганцев выслушал великое множество. Правда, обычно такой живой запас, который еще звали «коровой», уголовники готовили заранее, подкармливали, защищали. А тут просто вышло, что у Таганцева сломана рука или нога, идти он не сможет, что ж с ним еще делать?

– Ты скажи лучше, что там было. Я-то не разглядел, – слышался хмурый голос Граве.

Неужели он не против, подумал Таганцев и попытался пошевелить ногами. Артур Манфредович не должен его дать в

обиду. Они уже больше года знали друг друга, вечерами разговаривали в бараке про Жюля Верна и Уэллса, Граве рассказывал про новейшие изобретения в самолетостроении, вспоминал свои встречи с Серовым, Чкаловым, папанинцами...

– Да, ты нарезал оттуда знатно! – Керя засмеялся и тут же резко замолчал. – Я сам не разглядел. Стрелять начал, тут жид с факелом влез, оно его – хуяк! Требуха во все стороны... Пацану голову оторвал, что с кулаком было – не смотрел, еще пальнул наудачу и рванул из этой часовни засранной...

– Рога видел?

– Видел, – глухо сказал уголовник.

– Я тоже. Думал, показалось...

– Нажраться надо. Спиртушки затележить или марафетом занюхаться, и все пройдет. Если голову ломать, что это за тварь была, так и вальтануться недолго, а, командир? Так что давай собираться. Я этого сам, я умею, ты видел... Да он и не чует ничего.

– Давай, – отозвался Граве.

Таганцеву стало страшно, как тогда, в часовне. Но там он дергался, бежал, спасался, а тут лежит, словно муха в коконе, и ждет, пока паук жвалы воткнет.

Захрустел снег, Таганцева обдало теплым вонючим дыханием. Потом хлопнул выстрел, на лицо брызнула горячая жидкость. Тяжело упало тело.

– Коленька, все в порядке.

Граве, как умел, стер засохшую кровь с лица Таганцева. Помог встать. Совсем рядом лежал мертвый Керя с изумленной физиономией.

– В затылок стрелял – а упал навзничь. Еще в гражданскую я этому удивлялся, – заметил Граве. – Он хотел...

– Я слышал, Артур Манфредович, – с трудом пробормотал Таганцев. Губы едва шевелились, верхние передние зубы выбиты.

– Есть хочешь?

– Н-нет... И не могу... Мы далеко от часовни?

– Не очень. Но я ходил смотреть – стоит, как стояла. Внутрь, конечно, не совался. Предвидя вопросы: что это было – не знаю. Какая-то скотина, хотя появления покойника это никак не объясняет. Муллерман, возможно, что-то нам с тобой и поведал бы, но я – военный. Я врага привык уничтожать. Да, ты скажешь, что я вчера позорно бежал вместо этого, но уничтожать я привык врага известного. А тут...

Граве помолчал, потом нагнулся и обшарил карманы уголовного. Достал одну воблу, спички, запасные патроны к карабину.

– Больше ничего. Попробуем охотиться, хотя стрелять опасно, привлечем внимание. Если что, его я есть не собираюсь. А ты?

Граве подмигнул Таганцеву, показывая, что шутит. Таганцев и хотел бы улыбнуться в ответ, но не мог, и потому лишь

сказал:

– Карабин мне дайте.

* * *

Карабин так и не пригодился. Через сутки они вышли на просеку и услышали далекий стрекот, постепенно приближавшийся. Граве прислушался, нахмурившись.

– Самолет? Нет, низковато идет звук... Неужто аэросани?

Стрекот продолжал приближаться. Граве и Таганцев укрылись на краю просеки в кустах. Через пару минут белые аэросани, поднимая снежную пыль и треща пропеллером, пронесли мимо, замедлили ход и остановились метрах в двадцати.

– Что за черт?! Неужели заметил?! – прошептал Граве.

Из кабины выбрался пилот, спрыгнул на снег и сделал пару шагов в сторону. Расстегнул ширинку комбинезона и начал мочиться.

– Тут уж сам бог велел, – Граве взял карабин из рук Таганцева и прицелился. Пилот неловко взмахнул руками и осел, уткнувшись головой в лыжу аэросаней. Граве выбрался из засады, подбежал к аэросаням, заглянул внутрь, потом нагнулся над пилотом.

Таганцев отстраненно наблюдал за происходящим. Когда в прошлый раз Керя убил мужичка – это было поступком уголовника, хотя и по приказу комкора. Да и кто знает, кем

был мужичок. Возможно, сам не чурался убить и ограбить путников, а то и совсем бывший белогвардеец, их в тайге, говорят, до сей поры хватает.

Но сейчас Артур Манфредович убил советского человека. Возможно, сотрудника НКВД. И теперь машет, подзывая Таганцева к аэросаням... Не назад же теперь идти.

Таганцева передернуло – он отчего-то представил, как, увязая в сугробах и покачивая пробитой головой, по их следу крадется мертвый Керя. Оглянувшись, Таганцев выскочил на просеку и заторопился к комкору.

– Что, Коленька, смотришь волком? – спросил тот, стряхивая с приклада карабина снег.

– Зачем вы? – коротко спросил Таганцев, кивая на убитого пилота. С виду тому было лет двадцать, с узкими глазами – бурят или якут, наверное. Поди их разбери.

– А зачем ты в побег ушел?

– Теперь не стал бы, – честно ответил Таганцев. Граве понимающе кивнул.

– Случай. Почти всегда случай руководит человеком. Жаль. В другое время мы могли бы подружиться, Коленька.

– Что значит – в другое время?

– И часовня эта, – задумчиво продолжал Граве, явно уже не слушая Таганцева. – Теперь застряло в голове, не выбьешь никаким алкоголем и марафетом, как советовал наш покойный спутник Керя. А я так не люблю, когда от важной цели отвлекает ненужная информация. Но это ерунда – я почти

уверен, что в пресловутую часовню я еще вернусь. А ты, Коленька, извини.

Граве быстро поднял карабин, и Таганцева ударила в грудь яркая ледяная вспышка. Легкие словно онемели, Таганцев упал на спину, рядом с мертвым пилотом аэросаней.

– Мне очень жаль, – сказал Граве. Таганцев пытался найти его взглядом, но бывший комкор был вне поля зрения, а в глаза к тому же било солнце. – Мне правда очень жаль. Возможно, существовал совершенно иной вариант развития событий, но теперь у меня есть транспорт, я попытаюсь добраться до города и найти там своего резидента. Всегда приходится чем-то жертвовать, Коленька. И да, покойный Керя был прав. Я не японский шпион. Правильнее называть меня фашистской мордой, хотя фашисты – это все же итальянцы, а я работаю на разведку рейха.

Таганцев слышал, как провернулся и затарахтел пропеллер аэросаней. Развернувшись чуть дальше, они промчались мимо, звук постепенно замирал. Таганцев наконец сумел немного повернуть голову и понял, что лежит в огромной расплывающейся луже крови.

Ни тепла, ни холода он не чувствовал, зато слышал, как через лес к просеке идет кто-то тяжелый и неуклюжий.

Идет, не выбирая дороги, натыкаясь на ветви и обламывая их.

Святослав Логинов

Вымертский тракт

– Господин, позвольте сопровождать вас...

Уже неделю Раллиху не попадались придорожные гостиницы и даже харчевни. Три дня назад он миновал последнее поселение, оцетинившееся высоким частоколом. Дальше начинались места вовсе дикие, носившие говорящее название Вымерт. Тем более странно было встретить здесь одинокого путника, шагавшего по остаткам некогда мощёного тракта.

– Боишься разбойников?

– Что вы! Бандитских шаяк здесь нет, они сами боятся нечисти.

– Это уже интересно! Разумеется, ты можешь составить мне компанию и заодно рассказать о дьявольских отродьях, которых ты не боишься, хотя они распугали окрестных бандитов. Надеюсь, я не услышу леденящих историй о Белой Даме. Эти легенды изрядно надоели мне за последнее время.

– Помилуйте, откуда взяться Белой Даме в этой глуши? Мадам весьма деликатна и любит хорошее общество. Хотя о ней больше пустых разговоров, чем реальных известий.

– А ты, оказывается, веришь в Белую Даму?

– Зачем верить? Я лишь не отрицаю её существование.

Порой над лесом что-то пролетает, но скорей всего это не она.

– Бандитов ты не боишься, Белой Дамы тоже. Так чего ты опасаться в здешней глуши?

– Тут водится много всякой дряни. Прежде всего – оборотни. Хотя луна сейчас не в той фазе, так что оборотни не появятся ещё несколько дней.

– Путник с мечом боится завшивевшего волка?

– Прежде всего, добрый господин, здесь не столичный округ. Это там, стоит объявиться волколаку, на облаву выходит под сотню рыцарей и егерей. Тут ни тех, ни других нет, и в лунные ночи оборотни сбиваются в стаи, так что в одиночку от них не отобьётся самый опытный человек. Поэтому я хожу по этим местам только безлунными ночами, а при полной луне стараюсь найти крепкое убежище. Ещё здесь частенько встречается Ворочун.

– Ворчун, что ли? Первый раз о таком слышу.

– Ворочун. Он не ворчит, а ломает деревья. Проходили недавно: видели вывал леса? Это его работа.

– Да ну... смерч, наверно, деревья повалил.

– Смерч вывал делает ровный, словно просеку. Все деревья кронами в одну сторону лежат. А тут накинано, как попало.

– И что этот Ворочун людям делает?

– Ничего. Лес портит. И, если кто ему под горячую лапу попадётся, тоже задавит. А так он людей вовсе не замечает.

– Тебе его видеть доводилось?

– Столько раз, что и не пересчитать.

– И что ты делал, встретившись?

– Падал, старался забиться в какую-нибудь яму, а там лежал, затихарившись. Бежать от него опасно, на движение он может среагировать. А так ему деревья интереснее. Вот Крахт, тот специально за людьми гоняется, благо что для здешних мест человек – добыча редкостная. Но от Крахта отбиться можно, а повезёт, так и уложить. Я одного прикончил вот этим самым мечом.

– И каков он из себя?

– Считается великаном, хотя не слишком-то велик – полтора роста. Одежды не носит, весь в шерсти. Дубина у него здоровенная из цельного дерева. Хотя безоружным он был бы опаснее. Он же неповоротливый, Крахт, пока размахнётся своей палицей, пока ударит... десять раз можно отскочить.

– Людоед?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Я не съеден, а ежели кто попадёт под дубину, наверное, слопает. Только тут людей, считай, что нету. Некого ему жрать. Другого зверья много, так что голодным он не ходит.

– Ты неплохо в здешней живности разбираешься. Сам-то зачем сюда лезешь, раз тут такие гиблые места?

– Видите ли, добрый господин, я охотник за нечистью. Моё имя – Стан, а родовых имён таким, как я, не положено.

– Будем знакомы, охотник Стан. Меня зовут Раллих Гранк, и я тоже охотник за нечистью.

– Я слышал ваше имя, господин Раллих. Вы из знатного рода, один из тех бойцов, что сражаются за идею. Всегда преклонялся перед такими как вы.

– А ты, значит, из тех, кто работает за деньги.

– Я бедный человек, мне надо на что-то жить.

– Это я понимаю. Мне неясно другое – что тебе делать в Вымерте? Сам говорил: людей здесь не осталось, и кто тебе заплатит за твои подвиги?

– Я хожу промышлять в здешние леса. Знаете, сколько на ярмарке в Изгольне стоит клык вервольфа? Не подделка, а настоящий зуб, который начинает светиться с ростом луны? Хватит на год безбедной жизни.

– Сам же говорил, что здешние оборотни любого охотника заедят.

– Верно. Но есть и к ним подход. Опасно, конечно, но без этого никакое дело не обходится. Иной раз ещё что-то попадает. Череп Крахта у меня один аптекарь купил. Казалось бы, какой с черепа толк, волшебства в нём ни капли, но аптекарь поставил диковину на полку над прилавком, так к нему народ валом валить начал. В здешних краях удивительными редкостями можно разжиться, главное, не увлекаться, брать с разбором. Уж как меня уговаривали добыть желчь гнилого карлика. Торговец зельями уговаривал, с виду приличный человек, негоциант. Но я-то знаю, эта желчь нужна

только ведьмам и чёрным колдунам для самых злых волхований. Казалось бы, мне какая разница, но если начнёшь работать на чернокнижников, очень быстро станешь одним из них. Такая опасность пострашней Ворочуна.

– Я и не знал, что у работающих за деньги есть свои принципы, – произнёс Раллих. – А ты, как тот охотник, что заботится, чтобы добыча в его угодьях не скудела. Перебьёшь всех оборотней, чем жить станешь? Непонятно только, зачем ты так настойчиво напрашивался мне в попутчики? При твоём ремесле одному быть проще и выгодней.

– Прежде всего, господин Раллих, добыча здесь не скудеет. Нечисть уже выбирается за пределы Вымерта и расплзается на окрестные земли. Во-вторых, вдвоём идти веселее. Ну, а в-третьих, если бы я к вам не напросился, то шёл бы сейчас и гадал: человек идёт тем же путём, что и я, или призрачный путник.

Некоторое время шли молча. Дорога, когда-то выложенная каменными плитами, сопротивлялась натиску трав и кустарников, так что идти не составляло труда. Чуть в стороне на холме виднелись развалины. Огрызки стен и сейчас поднимались выше деревьев.

– Это что?

– Не знаю. Крепость какая-то или замок. Внутри ничего нет, одна труха. Нетопыри гнездятся, лисы норы устраивают. А так место чистое, даже фамильные привидения повывелись.

– А город где? Говорят, когда-то в самом центре Вымерта огромный город был: Пернбор. Сейчас таких городов не бывает, а этот над всем миром царил и был разрушен в одну ночь.

– Так то город, а тут крепость. До города ещё три дня идти. Тракт туда и ведёт. Только там тоже ничего нет. Отсюда люди сами ушли, а там всё сгорело, что могло гореть. Белая Дама повеселилась, от неё одни камни остаются.

– Так и знал! Без рассказов о Белой Даме дело не обойдётся. Донна Бланка – всему голова.

– Так это когда было? Не одна сотня лет прошла. Теперь здесь Вымерт, мёртвые земли. Белой Даме на безлюдье делать нечего.

– Должна же она где-то жить. Дом должен быть, слуги и всё остальное.

– Необязательно. Может, она и вовсе неживая. Что о ней известно? Летает, хохочет. Появляется в городах во время праздника и выжигает всё, словно огненный смерч. Огненный смерч – он живой? Слуги у него есть?

– Белого платья у смерча тоже нет. Ты недавно говорил, что под смерч, только не огненный, а простой, работает... этот, как его... Ворочун.

– Вот именно. И никто не знает, Ворочун – это существо или явление. Так же и Белая Дама. Придворные маги утверждают, что огненная красавица не является в мир благодаря их стараниям, но точно об этом не знает никто. Рассуждать

можно по-всякому, но главное, что бьёт она только по городам и, значит, здесь не появится.

– Во всяком случае... – начал Раллих, но Стан резко прервал его:

– Стоп!

Раллих замер на полушаге и полуслове и вслед за Станом выхватил меч. Ничто не указывало на опасность. Мелкий кустарник не мог никого скрывать, деревья и вовсе отступили в этом месте от дороги. Сама дорога была чиста, если не считать большой и наверняка неглубокой лужи, разлившейся поперёк пути. Именно к ней двигался Стан мелкими шажками, выставив перед собой меч. Ни один из амулетов Раллиха не чувствовал опасности, но знатный охотник тоже изготовился к бою, понимая, что лучше перестраховаться.

– В середину не бить, только по краю! – командовал Стан. – Делать, как я!

Сам он черкнул остриём меча по краешку лужи, очерчивая границу для чёрной воды, та отдёрнулась, словно живая, ленивая волна прошла по поверхности и собралась в центре в бугор. Раллих, мгновенно сообразивший, что происходит, подскочил с другой стороны и тоже очертил остриём меча дугу по краю лужи. Раздалось громкое шипение, бугор вздулся гигантским фурункулом.

– Как он встанет, – крикнул Стан, продолжая сгонять лужу в центр, – меч в ножны, а то он расплавит. Палкой надо бить!

Палки у Раллиха не было. С вычурными посохами, изоб-

ражающими магический жезл, ходят деревенские заклинатели, старающиеся пустить мужланам пыль в глаза. Раллих не работал за деньги и подобные ухищрения презирал. А теперь оказалось, что неведомого противника следует охаживать простой дубинкой.

Пупырь в центре лужи прорвался огненным фонтаном, оттуда поднялась багровая человекообразная фигура. Защитные амулеты Раллиха, словно проснувшись, заголосили каждый своё.

Расставив загребушие лапы, монстр шагнул к Раллиху. Стан сзади безостановочно лупил палкой, но чудовище не особо обращало внимание на такую помеху.

– Потихоньку отступай! – орал Стан, забыв, что к дворянину следует обращаться на «вы».

Отступать Раллих не привык, но и стоять безоружным против такого врага было невыносимо. И вдвойне невыносимо, когда оружие в руке, но нельзя им воспользоваться. Выбора не оставалось, Раллих взмахнул мечом, но не ударил, а черкнул кончиком клинка по багровой башке, как до этого очерчивал границу по луже. Брызги расплавленного металла обожгли руку, конец меча слизнуло напрочь. Монстр остановился и зашипел. В этом звуке не было ничего живого, так шипит вода, случайно попавшая на раскалённую кухонную плиту.

– Держи! – крикнул Стан и кинул Раллиху свою палку. Конец палки обуглился, хотя она ещё вполне была пригод-

на к бою. Не замечалось в ней никакого волшебства, даже простенького наговора, уж это Раллих чувствовал. Но рука теперь не была пустой.

Раллих ткнул тлеющим концом палки туда, где хотелось бы видеть если не лицо, то хотя бы морду, затем саданул по лапам и вновь по набалдашнику головы. Палка пылала словно факел, зато и монстр остановился, не пытаясь защититься или нападать и позволяя бить себя.

В этот момент Стан, оставшийся без дубинки, прыгнул вперёд. В руке он сжимал нож с тусклым, явно не металлическим лезвием. Удар пришёлся в спину, снизу вверх. Таким приёмом бьют в воровских притонах Хазма. Монстр изогнулся, трещина рта, очерченная раллиховским мечом, раззявилась беззубой пастью. Шипение усилилось, ставши визгом или свистом. А затем огненная фигура начала рассыпаться на небольшие куски, напоминающие осколки смальты.

– Вот и всё, – весело сказал Стан, разглядывая свой нож. – Управились. Даже ножик уцелел.

– Палка наполовину сгорела.

– Новую вырежу. Что, здесь рябинок не найдётся? Колдовства в ней нет, обычная палка в помощь ногам. И драться ею удобно: лёгкая и длина подходящая. В городах, в дурном обществе, свои законы. Оружием пугать запрещается. Достал меч или нож вытащил – изволь убивать. А палкой дебошира поучить – самое милое дело.

Раллих покачал головой, оценивая, с кем свела его судьба.

– Что за зверь из лужи нам встретился?

– Так это искряк. Сейчас камни остынут, подберём, поделим пополам. Такие камушки у господ ценятся, так что даже если вервольфа не добудем, поход, считай, окупился.

– Палка у тебя обычная, – произнёс Раллих. – А нож?

– Нож тоже обычный, только костяной. У меня знакомый косторез есть, он и сделал. Вообще-то он ножи для бумаг мастерит, но они маленькие, а тут целый кинжал. Мастер ещё спрашивал: «Что за фолианты ты читаешь, раз такой нож потребовался?» – а фолианты вон какие на дороге встречаются.

– Понятно. Я такие камушки видывал, только не знал, откуда они берутся.

Под эти разговоры путешественники натаскали хвороста для костра.

– Ну-ка, посмотрим, как искряк работает... – Раллих откатил в сторону один, не вполне остывший камушек, стараясь не обжечься, подкинул его на ладони и с маху швырнул в кучу хвороста.

Костёр мгновенно запылал.

– Красиво. И это всё, что он может?

– Чего ему ещё мочь? Искряк и есть искряк. Каждый камушек на одну растопку. Потому и покупает его только знать. Мужик не ленится и кресалом постучать.

– Пожалуй, я возьму себе пяток штучек для интереса, а остальные тебе на продажу. Я хоть и не мужик, а кресалом

стучать тоже не ленюсь.

– Спасибо, – сказал Стан.

Он сидел у костра, ошкуривая новую вырезанную в кустах палку. Срезанной веточкой порой помешивал в котелке, где начинали побулькивать крупа и копчёное мясо.

– Вот что неясно: мне кажется или костёр, разожжённый искряком, жарче горит?

– Может, и не жарче, но дружней. А я вот о другом раздумываю. Ворочун, о котором ты говорил, он на человека похож?

– Слегка.

– Крахт, как я понимаю, тоже. Искряк, с которым мы только что схлестнулись, опять же с виду как человек. Две руки, две ноги и даже сверху что-то вроде головы. Почему бы ему другой вид не принять, что их всех на человека тянет?

– Это нас тянет на них. Кабы не мы, искряк никогда бы человеческий вид не принял. Лежал бы лужей, жрал всякую мошкару, лягушку, в крайнем случае. Видите, я обо всем рассказываю, мне скрывать нечего, а вы так и не сказали, что вас сюда потянуло, да ещё без подготовки. Нет, я вижу, вы опытный боец и колдовству вас учили, но ведь по книжкам этому делу не выучишься. Скажем, искряк в виде лужи ничего не колдует, магии не проявляет, вот и вляпались бы в него. А вздумаете сражаться с кем-то, в ком колдовская сущность есть, так они, почитай все, в честном бою непобедимы, их в спину надо бить, что для вас неприемлемо, благород-

ство не позволяет.

– Нечисть можно бить как угодно, благородство тут ни при чём.

– Всё равно. Я вижу, вы обвешаны оберегами, что майское дерево побрякушками, а настоящего опыта у вас нет. Прикончат вас здесь или ещё хуже что-нибудь устроят. Пожалуйте, что живы остались.

– От смерти зарекаться не буду, а хуже не устроят, – возразил Раллих.

Он придвинул к себе котелок, начал есть походное варево: не то густую похлёбку, не то жидковатую кашу. Стан молча ждал. Знатный господин должен есть первым, а простолюдин довольствуется остатками. Впрочем, лишку Раллих себе не позволил. Ополовинив котелок, пододвинул его Стану. Посидел молча, глядя, как напарник ест, потом сказал:

– Меня всегда удивляло, почему существуют такие места, как Вымерт. Колдовские силы порой бушуют здесь, словно лесной пожар, а иные безостановочно тлеют, как горящее торфяное болото. Но пожар, даже болотный, недолговечен, огонь гаснет, и через несколько лет на бывшей выгари уже поднимается молодой лес. Природа чужда чародейства, её магия проста и очевидна, и раз нечисть расплодилась здесь сверх меры, значит, есть причина, её порождающая.

– Вы полагаете, здесь живёт дракон? – спросил Стан, облизывая ложку.

– Или колдун столь могучий, что само его присутствие по-

рождает волны зла.

– Волны зла такие, что уродуют весь край, невозможно не заметить, да и вселенский дракон, даже спящий, тоже выдаст себя. К тому же о драконе сказок ещё больше, чем о Белой Даме, а следов его существования ещё меньше.

– Потому и хочу пройтись по этим местам, поглядеть, что к чему. А получится, так и рога пообломать тому, кто там воду мутит.

– Это и впрямь великая цель, – раздумчиво произнёс Стан. – С вашего позволения, я бы хотел сопровождать вас. Я человек вольный, дома меня никто не ждёт, да и дома у меня нет. Если мы выберемся из Вымерта целыми, да ещё и с победой не знаю над кем, то о вас сочинят сотню героических саг и баллад, а заодно помянут и меня. Будет чем похвалиться на старости лет. Надавать пинков чёрному властелину, это не вервольфам зубы драть.

– Очень поэтично, – заметил Раллих. – Думается, большинство из обещанной сотни баллад будет сочинено тобой. А вообще я рад. Пойдём вместе.

* * *

– Стан, а ты мне палку не вырежешь? Дворянину с палкой ходить невместно, да кто здесь увидит? А вещь, получается, полезная. Вон, деревце неплохое растёт.

– Для палки лучше рябину брать. Вересовая тоже хороша,

хотя тяжеловата. А это дерево незнакомое. Но если плохо получится, всегда можно другое присмотреть.

Стан скинул мешок, вытащил нож, на этот раз стальной, но не успел даже сделать первый надрез. Деревце изогнулось и стегануло Стана по лицу. Охнув, Стан отлетел в сторону. В следующее мгновение свистнул меч Раллиха, подрубленное у самого корня деревце упало на землю.

– Стой! – выкрикнул Стан.

Раллих, уже замахнувшийся было, опустил меч.

Стан поднялся с земли. Багровый рубец пересекал его лоб, бровь была рассечена.

– А ведь этот побег не нападал на нас. Он всего лишь защищался. Кому охота, чтобы из него сделали трость...

– В нём не заметно никакого волшебства, – произнёс Раллих, вертя в руках очередную приколдованную вещь. – Видишь, указатель молчит.

– Думаю, никакого волшебства и нет. Просто живое дерево. На обычного зверя указатель тоже не отреагирует.

– Видел такие деревца прежде?

– Никогда, – Стан поднял срубленный ствол. Тот слабо дёрнулся, но уже не мог оказать сопротивления.

– Что ты с ним собираешься делать?

– Вырезать палку. Раз уж он всё равно срублен, чего зря пропадать...

Раллих с сомнением пожал плечами, но смолчал.

– Если вам подозрительна живая палка, – предложил

Стан, от которого не укрылось движение попутчика, – возьмите утреннюю, а я пойду с этой. Главное, хорошенько её ошкурить.

– Мне подойдёт эта.

– Но вот что интересно, – сказал Стан, продолжая на ходу соскабливать с палки остатки луба, – если бы мы прошли мимо и дерево спокойно росло бы ещё сто или даже двести лет, а потом явился бы Ворочун, как бы эти двое схлестнулись? Хотелось бы поглядеть.

– То есть ты думаешь, что деревце заточено против Ворочуна?

– А против кого ещё? Ворочун в этих местах куда более реальная опасность, чем все лесорубы разом.

– Тихо! – Раллих остановился, подняв руку. – Что это?

Издалека на грани слышимости донёсся переливчатый вой.

– Обратни голос подают, – спокойно ответил Стан.

– Так ведь день сейчас, и луна не в той четверти...

– И что с того? Они в человеческом облики поют. Я тоже так могу и повыл бы в ответ, но не стоит зря внимание привлекать. Набегут, разбирайся с ними потом. Пока получается, лучше втихаря идти.

Они спустились к реке. Там у самого уреза воды стоял плот: три связанных бревна. Сверху на брёвнах лежало несколько каменных плит.

– Откуда плот?

– Я связал, чтобы на тот берег сподручней попадать. А каменюки навалил, чтобы разливом не унесло.

– У тебя тут целое хозяйство.

– Какое хозяйство?.. – с горечью откликнулся Стан. – Я два раза заимку строил, отличную, хоть круглый год живи, и каждый раз являлся Ворочун и всё разносил в щепки. Я еле ноги успевал унести. Случайно такие вещи не бывают. Ненавижу!

– Зачем тебе заимка в гиблых местах?

– По-настоящему гиблые тут только трясины, где ни заимки не построить, ни вообще ничего. А на сухом заимка нужна от оборотней. Землянку-то они разроют и тебя достанут, что барсука из норы, а в заимке ты царь и бог.

Под разговоры плот освободили от камней и спустили на воду. Шесты пришлось вырубать новые, прежний снесло половодьем.

– Что нас на том берегу ждёт? – спросил Раллих, налегая на шест.

– То же, что и на этом. Только там развалины города... – как вы говорите, он назывался? – Пернбур... А вообще, его Мёртвым городом кличут.

– Должен же Вымерт где-то кончиться...

– Он и кончается. Сам я не был, но купцы рассказывают, что по ту сторону Вымерта будет Серебристая Марка.

– Постой! Ты хотел сказать – Серебряная Марка? Но это на другом конце земли!

– Я и не говорил, что это близко. В Серебристую Марку корабли ходят, а сухим путём туда дороги нет. Прежде была, а тысячу лет назад Вымерт перегородил.

Плот приблизился к противоположному берегу, закрутился в обратном течении, но пара сильных толчков загнала его в тихую заводь. Стан спрыгнул в неглубокую воду, упершись жердиной, принялся выталкивать плот на берег. Раллих с секундной задержкой последовал за ним.

– Говорят, – отдуваясь, продолжил Стан прерванный рассказ, – у Серебристой Марки прямой границы с Вымертом нет, там сплошные степи. А в степях никаких государств быть не может. Кочевники там. Налетят, ограбят и утекут неведомо куда. Потом и кочевников также разобьют, а на их место другие приходят. Когда леса начинаются, там можно было бы жить, но вместе с лесами начинается Вымерт. Всё, как у нас: посёлки реже, нечисти больше. В глуши уже не посёлки, а отдельные хутора, самый упёртый народ живёт.

Припрятав шесты, путники поднялись на обрыв.

– Вон наша дорога где, – указал Стан. – Там ещё остатки каменного моста видны.

Вышли на почти заросший тракт, полюбовались сверху на обломки моста. Через полчаса они уже шли, порой прорубаясь сквозь разросшийся кустарник.

– Пройдёт ещё сотня лет, от дороги следа не останется, как будущие охотники обходиться станут?

– Значит, надо постараться, чтобы Вымерт дальше не раз-

растался, – твёрдо сказал Раллих.

– Для начала надо бы охотой заняться, косую промыслить или оленька. А то скоро есть нечего будет.

* * *

Ни косую, ни оленя добыть не удалось, но Раллих, в арсенале которого имелся лук, подбил тетерева, тот был испечён на углях и съеден в тот же день.

– Не понимаю, – сказал Раллих, обсасывая крылышко косяка. – Получается, что здесь можно неплохо жить.

– Один у самого города живёт, особняк караулит.

– Так!.. Это уже интересно. Ты его видал?

– Видал и разговаривал. Видел даже, как он дерётся. Но это было давно.

– И каков он?

– С виду старичок. Ютится в полуразваленной башенке, она каменная, поэтому Ворочун его не трогает. От оборотней отсиживается в подвале. Колдовской силы в нём не заметно: то ли не проявляет, то ли её и нет. Я с ним поговорил, и разошлись миром.

– А что за особняк, который он караулит?

– Это отдельная история. Есть неподалёку от города некое строение, такими бывают загородные дворцы столичных богатеев. Стоит целёхонький. От города и развалин почти не осталось, а особняк словно вчера выстроен. Чародейств,

опять же, не заметно, ну да это дело наживное: сегодня нет, завтра будут. Короче, подозрительное место. А старик поблизости живёт. Говорит, что сторож.

– Внутри – что?

– Внутри не попасть. Может быть, вы слышали сказку. «Принцесса Шиповник, или Спящая красавица». В сказке королевский дворец шиповником зарос, чтобы никто пройти не мог. Так и тут: всюду колючие заросли, тёрн и шиповник – прохода нет, совсем как в сказке.

– Если верить сказке, там юная принцесса почивает...

– Вряд ли. Ночами на башенке огонёк брезжит. Значит, кто-то там бродит, а не просто спит. Но живой он или нет – не скажу.

– Сторож что говорит?

– Сказал, там его невеста живёт, но покуда замуж не хочет. А как согласится, то из дома выйдет.

– Забавно. Сторожа мы пощупаем и его невесту тоже.

– Осторожней надо, у сторожа палка – не чета нашим. Сам он человек мирный, но дерётся больно. Впрочем, к Сторожу наведемся потом, сначала надо в город. Завтра должны прийти.

В город на следующий день они не попали.

Полоса кустарников кончилась, тракт проходил через светлый бор. Местами сосновые корни взломали каменную кладку, но в целом дорога уцелела, идти было легко. Раллих держал наготове лук, высматривая добычу, но дичи не попа-

далось. Зато начались неприятные события. Поначалу показалось, будто одна из сосен накренилась и падает. Треск ломаемого дерева разнёсся окрест.

– Ворочун! – выкрикнул Стан.

Поблизости не было ни канавы, ни случайной ямы, ничего, где можно было бы укрыться.

– В кусты! – кричал Стан. – Дальше от больших деревьев!

Среди сосновых стволов показалась необъятная туша Ворочуна. Ростом он был в половину самой высокой сосны, а толщины совершенно неохватной. Тумбообразные ноги попирали землю, передние лапы праздно свисали ниже колен. Есть ли у него наشلёпка головы, Раллих не мог разглядеть, но если верить Стану, то и башка была. Зато Раллих разобрал, что жуткий треск – это голос самого Ворочуна, который покуда шагал, ничего не выворачивая.

Стан уже лежал между кусточков можжевельника, которые не могли ни скрыть, ни защитить его. Туда же метнулся и Раллих, но не упал ничком, а встав на одно колено, вскинул лук. Стрела ударила в грудь чудовища, повисела немного и, отвалившись, упала на землю. Даже в высушенную доску стрела должна была вбиться глубже.

Ворочун не заметил, что кто-то пытался на него напасть. Он вновь издал громовой треск, сграбастал столетнюю сосну, одним движением переломил её и отшвырнул в сторону. Треск дерева слился с воплем Ворочуна.

– Ах, мерзавец! – пробормотал Раллих. – Так это ты пе-

сенки поёшь таким способом! А хорошо ли вот так запоёшь?

Раллих выхватил из сумы мешочек, в котором хранились несколько кусочков искряка, и, не развязывая, швырнул в брюхо чудовища. Полыхнуло пламя, вереск и можжевельник дружно занялись, запылали обломки поваленного дерева.

Ворочун остановился, захрустев с удвоенной силой, и принялся затаптывать огонь.

– На, гад! – крикнул Стан и запустил в ненавистного древолома разом весь мешок искряка, предназначенного для продажи.

Огонь взметнулся, заворачиваясь смерчем, верхушки сосен разом вспыхнули. Ворочун ревел, ворочаясь в пламени.

– Отползаем! – срывая голос, заорал Стан. – Кто бы ни победил, нам придётся худо!

Повторять не пришлось. Оттаскивая вещи, путники поползли прочь, затем поднялись и, пригибаясь, побежали, стараясь уйти из-под ветра. Громовой треск преследовал их, и было не понять, то ли трещит огонь, дорвавшийся до смолистой древесины, то ли расщепляется ломаемое дерево, то ли вопит Ворочун, встретивший достойного врага.

Остановились, когда под ногами ощутимо зачавкало.

– Дальше не стоит. Можно в трясину попасть.

– Потом надо будет сходить посмотреть, кто кого заломал, – произнёс Раллих.

Стан с сомнением покачал головой, но согласился:

– Сходим.

– Самое главное, что я так и не заметил во время сражения никакого чародейства. Как будто сцепились два огромных зверя.

– Так оно и есть. Хотя косной, природной магии было сколько угодно, просто ваши амулеты её не чувствуют. А настоящей осознанной силой обладают гнилые карлики и оборотни – вервольфы поменьше, волколаки побольше. А этим умение колдовать зачем? Им и так хорошо. Искряк что-то проявляет во время неправильной трансформации, зато в эту минуту я его и бью. А то бы он вовсе был неуязвим. У колдовской сущности тоже свои недостатки есть.

– Как эти монстры без чародейской поддержки существовать могут?

– Вымерт, – коротко ответил Стан.

– Знаю, что Вымерт. Значит, есть тут великий источник магии, возле которого кормится вся нежить. В это сердце и следует бить. А все ворочуны и искряки, это так, мелкая шушера.

– Мы только что от этой шушеры стремглав бежали.

– И ещё побегаем. До поры. Зато потом она от нас спастись будет.

Стан спорить не стал, но покуда пожар не утих, путники пошли в обход опасного места.

Город, к которому они вышли на следующий день, оказался огромным. Прежде Раллиху не приходилось видеть ничего подобного. Задолго до появления крепостных стен начали попадаться развалины загородных вилл, ферм, житниц, помещичьих усадеб и лачуг бедняков. Стены даже самого жалкого сарая были сложены из камня: иные сохранились настолько, что можно было понять, для чего предназначались строения, от других остались груды обломков, чуть торчащих из земли.

– Здесь поблизости у меня устроена... не вполне заимка, но что-то вроде, в старом подвале, а может, в склепе... не знаю точно. Я своды укрепил и там ночую, когда прихожу. Только там места хватает всего на одного человека. Так что какую-то ночь нам придётся ночевать раздельно.

– Что так?

– Видите ли, люди они разные, со странностями бывают, особенно те люди, которые имеют дело с нечистью. Но и среди обычных людей встречаются такие, что тесноты не выносят. Вроде бы нормальный человек, но если запереть его в комнате без окон или в чулане, то он начинает кричать, биться словно в падучей, а не выпустят, так и помереть может.

– Знаю такую болезнь. Клаустрофобия называется.

– Во-во! А инакие – наоборот, открытого пространства

шарахаются. Корёжит человека ажно до смерти.

– Есть и такая болезнь.

– А у меня болезнь того же рода, но совсем наособицу. Так-то я ни подземелий, ни степей не боюсь, но помалу хворь набирается, и где-то раз в два-три месяца мне нужно забиться в каморку одному на целую ночь. Тогда меня отпустит, и снова буду в полном порядке.

– Хитро. О таком я не слышал.

– Так и я не слышал. Я, может быть, один такой на весь народ.

– Пойдём мимо, покажешь своё убежище.

– Чего ж не показать... Только там нет ничего. Подвал каменный или погреб. Теперь уже не разобрать.

* * *

Больше всего убежище Стана напоминало землянку, но основой вкопанных стен служили не брёвна, а старинная каменная кладка. Свод тоже был выполнен из плитняка.

– Внутри темно, да и нет там ничего интересного.

Тем не менее Раллих засветил ночной кристалл и шагнул в проход.

Потолок в убежище оказался неожиданно высоким, верней, пол был сильно заглублен, так что даже Раллих мог стоять, выпрямившись во весь свой немалый рост. Плиты потолка опирались на толстую балку, с которой свисала верёв-

ка с петлёй на конце.

– Это зачем?

– Мешок подвешивать, чтобы крысы не добрались. Крысы здесь водятся. Опять же мясо коптить. – Стан провёл по стене и показал Раллиху чёрные пальцы. – В прошлый раз, когда я тут был, оборотни, причём в человеческом облиии, оленуху в западню загнали, а я у них отнял. Подвесил полтуши к потолку, снизу костерок затеплил, вход завалил плитой. Так через сутки у меня такая ветчина была, не чета тому, чем сейчас питаемся. Зато, как луна в должную фазу вошла, эти поганцы форменную осаду устроили. Хорошо я заранее успел воды натаскать, а то бы пропал.

– Интересно получается, – заметил Раллих. – Пока оборотень в человеческом облиии, проку от него никакого. Когда он в зверином виде, его не то чтобы взять, дай бог спастись от его зубов. Когда прикажешь охотиться?

Стан скинул с плеча походный мешок, уселся на него, и Раллих обратил внимание, что больше в тесной укромине сидеть не на чем.

– Хорошо, – сказал Стан, разглядывая пустые руки. – Расскажу. Вы мне не конкурент и другим разглашать мои секреты не станете. Значит, так... на охоту я выхожу, когда луна в третьей четверти. Вервольфы в это время по землянкам сидят тише воды, ниже травы. А то, что мы вой слышали, так это они не поют, а сообщают друг другу, что я появился, да ещё и не один. Был бы я один, шёл бы сторожко, они

бы меня и не заметили. Я бы напал неожиданно, выискал бы логово. Детёнышей я не трогаю, от них прока нет, волчунью тоже отпускаю, разве что она совсем бешено на меня бросаться начинает. А самца скручу и волоку живьём в эту мою ухоронку. Думаете, петля под потолком у меня так просто? Мешок подвешивать и оленину коптить можно и без удавки. Я пленнику лапы, пока они ещё руки, за спину заверну и к потолку его подвешу. Суставы не выламываю, зачем лишку мучить? И без того, как луна в последнюю четверть входит, начинает болезного корёжить. Вот уж где вою, да крику, да хрипу, да плачу!.. А потом, глядь, там, где только что был задрипанный мужичонка, висит в петле матёрый волчина. Тут надо первым делом распялку в пасть и затем кузнечными клещами драть зубы. Другие охотники клыки выдирают, сперва зверюгу убив. Такие клыки еле светятся, и силы в них немного. А у меня – сияют, потому как выдраны у живого оборотня. Затем берусь за ножницы и начинаю вервольфа стричь. Он уже и не бьётся, понимает, что жизнь покончена. Конкуренты, опять же, волколачью шерсть с трупа остригают, а иные не стесняются к ней простой волчьей шерсти добавить. У меня такого не водится, поэтому, как на ярмарке в Изголье слух проходит, что я из Вымерта с добычей возвращаюсь, перекупщики меня на полпути встречают, и каждый старается перед другими цену задрать.

– Да, жестокая у тебя работа. А стриженного оборотня куда деваешь? Отпускаешь новую шерсть наращивать?

– Нет, без клыков он всё равно не жилец. Но если его сразу добить, то он завоняет, а мне с ним в камерке две недели сидеть, пока луна во вторую четверть не уйдёт. Вот и висит, бедолага, мучается. Ну, да они терпеливые.

– Страшные вещи ты рассказываешь.

– Места здесь страшные. Вымерт. Иначе тут никак.

* * *

Городские ворота Пернбура обвалились, обратившись в гору обломков. Мощёная дорога ныряла под эту гору и выныривала с другой стороны уже в городе. Здесь идти было не в пример труднее, чем по тракту. Дорогу то и дело перегибали завалы, от большинства зданий оставались лишь кучи щебня, хотя некоторые дома устояли во время давней катастрофы.

– Центр города где? – спросил Раллих. – Там, где у нас ратушная площадь и собор?

– Кабы знать... Церквей я тут вовсе не видел, таких, чтобы на наши похожи, а площадей несколько, любая за ратушную сгодится. За день всё не обойдём.

– Ничего. Главное – начать...

– Тогда вон оттуда начнём. Площадь там большая, и что-то волшебное на ней брезжится. А может, и нет. Слаб я такие штуки определять. Я, ежели что почудится, стороной предпочитаю обходить.

Площадь и впрямь оказалась такой, что в современных городах не встречается. Посередине когда-то стоял обелиск, ныне упавший, но по-прежнему поражающий воображение. Справа и слева подбегали улицы, разливавшиеся площадью, а с других сторон были какие-то здания, одно оказалось полностью разрушенным, обломки мраморных колонн выкатились далеко на площадь, другое стояло почти целым.

– Вот там что-то есть, – шёпотом сказал Стан. – Я рисковать не стал, обошёл это место, всё равно прибытка с него никакого.

– Сейчас посмотрим, что там засело, – спокойно произнёс Раллих.

В уцелевшем здании царил относительный порядок. Ряды колонн подпирали потолок, между колонн стояли мраморные болваны, и только хрусткий прах под ногами говорил, что здесь никого не было в течение столетий.

– Что за фигуры? – по-прежнему шёпотом спросил Стан, указывая на статуи.

– Боги. Здешние жители язычниками были и вырезали себе богов из камня. А это их храм, не знаю, главный или нет.

Раллих скинул с плеч мешок, принялся вытаскивать из него кристаллы, намоленные образки, восковые свечи, а под конец – тонкий жезл сандалового дерева с большим сапфиром в наверху – весь арсенал дозволенного белого волшебства.

Стан деликатно отвернулся, не желая мешать.

Было слышно, как Раллих бормочет не то молитвы, не то заклинания. Один из амулетов Стана начал ощутимо покалывать грудь, и Стан отошёл чуть подальше.

Раллих уже в голос выкрикивал свои заклинания, и в ответ под сводами храма раздалось густое гудение, которое всё нарастало.

Стан обернулся и увидел, что разложенные Раллихом талисманы светятся мертвенным иссиним светом, а потолок храма дрожит и ходит волнами, словно живой.

– Назад! – завопил Стан.

Раллих, не обращая внимания, твердил заунывный речитатив. Сапфир в его жезле сиял синим солнцем.

Стан ухватил товарища за одежду, дёрнул на себя и потащил прочь. В следующее мгновение потолок рухнул, похоронив под обломками разложенные предметы.

Раллих продолжал бормотать тайные наговоры, состоящие из бессвязных звуков. Закаченные глаза слепо поблескивали белками.

– Смотреть! – крикнул Стан и хлётко ударил напарника по щеке: метод старинный, проверенный, но абсолютно недопустимый по отношению к знатному дворянину.

Средство подействовало, лицо приняло осмысленное выражение.

– Какая силища! – выдохнул он наконец. – И главное, я никого там не увидел. Тот, кто был в куполе, сумел закрыться и не выдать себя.

– Там никого не было.

– Как никого? Кто тогда ударил?

– Остатки древней магии. Я так понимаю, что когда неведомая сила рушила город, она была сверху по тем зданиям, где больше людей. Удар по крыше пришёлся, а выхода колдовской силе не было, вот она там и завязла. Клубилась себе чуть заметно, пока вы её не освободили.

– И остался, можно сказать, безоружным. Всё под завалом погибло. – Раллих уныло осмотрел тросточку с сапфиром, которую продолжал сжимать в кулаке.

– Руки целы, меч при себе, а амулетов новых нажить можно. В болотах, говорят, хрустальная икра встречается. Один я бы туда и соваться не стал, а вдвоём можно попытаться добыть.

– Что за икра? Никогда не слышал.

– О ней никто не слышал, кроме меня. А видеть и мне не доводилось. Но рассказывают, что если взять самый заваливающий амулетишко и прокипятить с хрустальной икрой, то в нём обретётся невиданная сила.

– Кто рассказывает?

– Я узнал об этом от гнилого карлика. Понять, что он бормочет, тяжело, он и свистит, и шипит, и всё время норовит ядом плюнуть. Если попадёт, то всё – ты пропал. Опять же в карликовом обличии он ожерелками увешан, и сила в них огромная. Но для человека эти вещицы бесполезны, работать не станут, ничего кроме вреда от них не получишь.

– Когда он перекидывается, куда амулеты деваются?

– Под шкуру уходят. Потому у них шкурка немалой силой обладает.

– Тоже, небось, с живого шкуру сдирал?

– Как же без этого... Поймал, так сдирай с живого.

– Дорого такая шкура на рынке стоит?

– Я их не продаю. На гнилых карликов охотиться... как бы они с тебя шкуру не сняли. Нет уж, одну шкурку для себя добыл – и хватит. Ежели такое на рынок вынести... не знаю, сколько стоит будет. Со всего королевства деньги собирать придётся.

– А что эта шкурка даёт? Если секрет, можешь не отвечать.

– Секрет, но я отвечу. Раз уж мы идём вместе, то тайн у нас друг от друга быть не должно. К тому же я знаю, что вы чужие секреты разносить не станете. Видите, у меня куртка с меховой опушкой. А что за мех?

– Я не скорняк.

– Опытный скорняк скажет, что выдра, но это гнилой карлик. От него я и узнал о хрустальной икре.

– Сдирал с живого кожу и расспрашивал, что творится на болотах?

– Нет. Шкуру я снимал с выдры. В зверином обличии он говорить не может. А пока не перекинулся, он у меня висел вниз башкой, плевался ядом и непрерывно бормотал. А я слушал и на ус мотал.

– Он не наврал, случаем?

–оборотни не умеют лгать. В этом смысле они лучше людей, обманывают своим обликом, но не речами.

– И что твоя меховая опушка делать умеет?

– Я рассказывал, что, когда я с добычей возвращаюсь, перекупщики меня на дороге встречают... А уж грабить меня пытаются каждый раз, как я к людям выхожу. Не было такого случая, чтобы какой разбойничек счастья не попытал. Но ни один на мне не нажился, а всё благодаря этой шкурке. Биться она не помогает, но об опасности предупреждает заранее. Недобрый человек обо мне ещё думать не начал, а я уже знаю: кто, когда, где и каким образом меня ущучить попытается. Ясно дело, ничего у них не выходит.

– Могучая вещь, – протянул Раллих. – Коронованные особы за такую чего только не отдадут. Ведь тогда все заговоры у них как на ладони будут.

– То-то и оно. А теперь прикиньте: если у заговорщика есть такая же шкурка. Несусветная веселуха получится, сама Белая Дама не разберётся. Нет уж, пусть кацавеечка у одного меня будет. Я, во всяком случае, в политику не лезу.

Костёр, разведённый прямо на площади, быстро прогорел, редкие кусты, обжившие развалины, не позволили набрать достаточно хвороста. Воды в округе тоже не нашлось, прежние источники, видимо, пересохли, колодцы обвалились. На первое время доставало воды во флягах, но с утра предстояло искать родник.

Прежде чем укладываться на покой, Раллих спросил:

– Какие планы на будущее?

– Сначала – вода, а там можно двояко поступить. Идти к Сторожу, поговорить, глянуть издали на особняк и возвращаться восвояси. Или можно развернуться к болотам. Схрумкают нас гнилые карлики, так и дело с концом. А разживёмся хрустальной икрой, то посмотрим, какая в ней сила, и поступим, смотря по обстоятельствам. Возможно, Сторож и его невеста нам не интересны станут. Как говорится: кто выживет, тот узнает.

* * *

На следующее утро, покинув развалины Пернбора, они направились к болотам, обжитым гнилыми карликами. По дороге Стан собирал травы, о которых Раллих и не слышивал, копал корешки, рвал грибы.

Высокоучёные столичные маги травознатцев презирали, так что Раллих, зря тративший время и деньги в магической академии, чувствовал себя полным профаном.

– Это же поганки, зачем они тебе?

– Чтобы запах отбить. Гнилые карлики слеповаты, видят плохо, а нюх имеют замечательный.

– Не пойму, мы за карликами идём или за хрустальной икрой?

– За чем бы ни шли, карликов нам не миновать. Это их

вотчина.

На последней стоянке Стан устроил адскую кухню, наварил полный котелок густой субстанции самого скверного вида.

– Одежды у нас защитной нет, да и запасной тоже. Придётся мазать единственную смену, а потом как-то отмываться.

– Для чего такие предосторожности?

– Гнилые карлики плюются ядом. Здорово плюются, далеко, особенно если через тростинку. Попадёт на открытую кожу – смерть, неторопливая и очень мучительная.

– Тебе и об этом рассказывали?

– Я это видел сам. Я же не всегда ходил один, когда-то был у меня хозяин, и он меня сюда водил, не спрашивая, хочу я или нет. В самые гиблые места посылал и сам тоже рисковал, за моей спиной не отсиживался. Учил всему, а когда у меня что-то не получалось, лупил нещадно.

– И ты бежать не пытался?

– От него не сбежишь. Он был могучим чародеем. Может быть, вы слышали его имя: Местор.

– Ещё бы! – воскликнул Раллих. – Это самый страшный некромант, какого знало магическое сообщество. Он исчез лет тридцать назад, но мудрецы опасаются, что он жив и втайне готовит нечто ужасное. Инквизиция неустанно ищет его.

– Пусть ищет, дело полезное. Не то разленятся и начнут

простых людей хватать. Но на самом деле Местора давно нет в живых. А погиб он из-за пустого плевка. Что-то ему захотелось внимательно рассмотреть, и он маску с лица сдвинул. Тут ему один из карликов и попал прямо в глаз. Я его вытащил, не оставил на пожрание. Карлики гнаться пытались, но я их всех пожёг искряком, хозяина на сухое вытащил, только он всё равно через день помер. А уж натерпелся за это время – я и не знал, что такая боль бывает.

– Откуда тебе знать, какая там боль?

– Учитель колдуном был. Он излечиться пытался, свою боль на меня перекидывал: я по земле катался, визжал недорезанной свиньёй, а когда в чувство пришёл, учитель холодный лежал. Раздуло его, и почернел весь. Я его сжёг и пепел развеял, а то, говорят, некромант из могилы встать может.

– Хороший, однако, у тебя учитель был.

– Да уж какой есть. Я его не выбирал. Но научил меня многому, в том числе как от яда беречься.

На следующее утро Стан принялся готовить себя и Раллиха к путешествию по болотам. Одежду подобрал так, чтобы нигде не виднелось ни единого клочка незащищённой кожи. Головы замотали платками, а глаза прикрыли лоскутами змеиной кожи, до прозрачности натёртой жиром. Поверх всего Стан густо нанёс слой мази, застывшей в котелке. Говорить да и слушать в защитном костюме стало почти невозможно, но на выручку должна была прийти система условных знаков. Успех предприятия зависел от того, кто первым

заметит противника.

Повезло людям, ведь именно они шли на охоту, а карлики мнили себя в полной безопасности.

Стан резко остановился, предостерегающе поднял руку. Раллих почти ничего не видел через полупрозрачную кожу, но тоже остановился и изготовил к стрельбе лук. Стан сторожко двинулся вперёд, где он что-то заметил. Раллих, вопреки строгому запрету, сдвинул в сторону самодельные очки и различил две фигуры, копошащиеся среди жирной болотной травы. Что-то они собирали или рыли, короче, предавались неаппетитному, но мирному занятию.

Сливающийся с травой Стан рванулся на добычу, один из карликов забился в петле, и в то же мгновение свистнула стрела, насквозь просадившая второго уродца. Стан вскочил. Теперь было видно, что в руке у него толстая палка, на конце которой навязана петля. Это нехитрое приспособление позволяло держать пленника на отлёте. Свободной рукой Стан ухватил стрелу, на которой был насажен второй карлик, и торопливо заковылял прочь. Раллих, не дожидаясь напоминания, побежал на сухое, где был подготовлен костёр. Сожалея о растраченном искряке, торопливо застучал кресалом, а когда растопка загорелась, придвинул поближе кучу заранее наготовленного смердючего плауна. Повалил густой, тошнотворный дым. Он был способен замаскировать любой запах и отпугнуть всякое существо.

Припозднившийся Стан бросил на землю убитого карли-

ка и занялся пленником. Петлю зацепил за ветку ели, в пастишку карлику вбил маленькую распялку, выстроганную накануне. Руки стянул, загнув вокруг дерева, а всю нижнюю часть тела обмотал плохо выделанным куском шкуры и тоже закрепил на еловом стволе.

– Зачем это? – прогудел из-под маски Раллих, стараясь найти заветренное место, где бы не так мучил смрад.

– Если он бзданёт жидким калом? Моча у него, кстати, тоже ядовитая. Пусть повисит, поостынет малость, а мы пока его приятелем займёмся. Нечего трупы по лесу разбрасывать.

Стан выдернул стрелу, осмотрел.

– Хорошая стрелка, но её уже не отмоешь. Только в костёр.

Раллих кивнул согласно. Потом склонился над трупиком.

– Я же стрелял наугад. Думал, что по живому, а он издох уже две недели как. А быть может, и больше.

– Не забывайте, что это гнилой карлик. Они разлагаются мгновенно, а минуту назад он был живёхонек.

– А как мы с пленником говорить будем? У него же распялка в пасти.

– Придёт время – разговорится. А пока...

Стан вытащил нож и одним движением вспорол раздувшееся брюхо мертвеца. Раздался треск, в стороны брызнула жижа. Клещами, не иначе как теми, которыми драл клыки вервольфам, Стан выдернул на свет сморщенный чёрный

мешочек.

– Вот она, желчь. Осторожней, может брызнуть.

Угли, на которые попала желчь, затрещали, полыхнуло и опало зелёное пламя. Стан ухватил клещами распотрошённого карлика и отправил в костёр следом за желчным пузырьём. Затем, поигрывая ножом, подошёл к пленнику, указал на костёр, где дымился его поделеньник.

– Хочешь так? Правильно, что не хочешь. Тогда слушай внимательно и отвечай. Про хрустальную икру знаешь?

– Про неё все знают, – ответил карлик. Вернее, он вообще ничего не сказал, из глотки вырывалось неясное сипение, но непонятным образом складывалось в слова.

– Ты можешь пойти и взять целую кладку хрустальной икры?

– Хрустальную икру могут есть только самые могучие воины.

– Я спросил: ты можешь это делать? – голос Стана доносился из-под повязок глухо и неразборчиво, но карлик, очевидно, прекрасно понимал сказанное.

– Я могу есть икру, сколько захочу, – родилось из натужного сипения.

– Ты пойдёшь, принесёшь целую кладку хрустальной икры, а я за это не стану тебя убивать.

– Я убью тебя и сожру твою печень!

– Тогда я убью тебя и сожгу на этом костре. Хочешь?

– Не хочу.

– Дай слово, что немедленно принесёшь целую кладку хрустальной икры и отдашь её мне так, что я смогу её взять. А я даю слово, что, получив икру, не стану ни убивать тебя, ни бросать в костёр, ни вырывать твою печень, ни протыкать стрелой. Я обещаю отпустить тебя целым и невредимым. Теперь решай. Только быстро.

– Согласен, – горлом просипел гнилой карлик. – Я принесу и отдам тебе хрустальную икру, всё равно она невкусная. Обещаю. Но потом я обязательно убью тебя и сожру твою печень.

– Договорились, – прогудел из-под повязок Стан. – Идём, я отнесу тебя туда, где поймал, и там выпущу.

Обратный путь к краю топи занял пять минут. Карлик смиренно висел и не пытался ни дёргаться, ни плевать. Стан опустил карлика на землю, снял с шеи петлю, развязал руки.

– Дальше выпутаешься сам, а я буду ждать тебя возле вон того дерева.

Карлик не ответил, выдирая изо рта деревянную распялку. Через минуту он был свободен и метнулся к топи. Вопреки ожиданиям он не нырнул в тину, а, извиваясь по-змеиному, пополз по тонкому ковру переплётшихся трав, казалось бы, неспособному выдержать и куличка. Через полминуты его было не различить даже без мутных змеиных очков.

Стан отошёл немного назад, присел рядом с Раллихом.

– Сделали, что могли. Теперь остаётся ждать, а получив икру, суметь унести ноги.

– Думаешь, принесёт?

– Раз обещал, то принесёт. Я же говорил, врать они не умеют. Нам тоже трогать его нельзя, незачем обучать их лжи.

Раллих вздохнул и ничего не ответил. Лишь немного погодя спросил:

– Не пойму, как уродец разговаривал с распяленным ртом? Чревовещатель, что ли?

– Может, и так. Но мне кажется, что это просто звучат их мысли. Потому они и врать не могут: самого себя не обманешь.

– Но это телепатия! В столице телепатией владеют только самые знатные маги!

– Здесь не столица. В Вымерте телепатия доступна оборотням и гнилым карликам. Возможно, и ещё кому-нибудь. Но это так, размышлизмы. Из них для нас ничего не следует. Сейчас главное – икру получить. Я пойду поближе к трясине, а вы с луком тут будьте. Если что – прикроете меня. Но в нашего посланника не стрелять ни в коем случае.

– Ещё бы отличить его от остальных и прочих.

– Придётся постараться.

Ждать пришлось около получаса. Карлик возник словно из ниоткуда. В лапках он держал зеленоватую пирамидку, напоминающую небольшую виноградную гроздь.

– Вот икра.

Стан поставил на землю открытую берестяную кубышку, отступил на шаг.

– Положи туда.

Карлик переложил свою ношу в кубышку, проворно отпрыгнул. Стан приблизился, закрыл и поднял кубышку.

– Ты взял? – просипел карлик. Голос его ничуть не отличался от того, что был, когда рот его распирала деревяшка.

– Взял. Ты свободен, можешь идти.

На этот раз карлик не отползал, а головой вперёд нырнул в топь. Гладь не возмущилась, лишь из глубины поднялось несколько пузырей. И в то же мгновение воздух наполнился глухим фырканием и харкотными звуками плевков. Когда гнилые карлики сумели подкрасться и засесть среди осоки, не определил бы самый опытный следопыт.

Стан бежал, прижимая к груди драгоценную берестянку. Раллих, привстав на одно колено, наугад стрелял по нападавшим. И хотя он никого не видел, ни одна стрела не пропала даром. Есть такое умение у лучших выпускников стрелковой школы.

– Отходим! – крикнул Стан.

Охотники бежали от своей недавней добычи. Остался позади пригорок, где чадили останки убитого карлика, пробежали два других подготовленных, но не пригодившихся для стоянки места. Сложенный сушняк ждал, когда его подпалят, но добычки не остановились, торопясь к третьему, последнему лагерю.

Там их ожидал сюрприз. Место было удобное, сухое, родник бил неподалёку, и кто-то успел воспользоваться чужи-

ми трудами. Горел огонь, куча набранного валежника уже прогорела и рассыпалась жарким углем. Возле огня сидел человек. Его лицо было видно вполоборота: обветренное, с неровно постриженной бородой. Суконная куртка и штаны, какие носят крестьяне и охотники, высокие сапоги с раструбами. Тощая котомка валялась на земле.

Всё в путнике было привычно, ничто не резало глаз, но Стан решительно подал напарнику знак: опасность! Следующий знак был также прост и понятен: стреляй!

К стрельбе Раллих был готов, но стрелять по человеку только потому, что он разжѐг чужой костѐр и греется у огня, казалось невозможным.

«Стреляй!» – обозначил беззвучный приказ Стан.

Издалека донѐсся ставший уже привычным зов готовящихся к превращению оборотней. Мужчина, сидящий у костра, внезапно поднял голову и вплѐл свой голос в общий хор. Лицо его оставалось безучастным, только жилы на шее напряглись, выдавая наблюдателям, что вой этот не просто развлечение, а вкладывается в него некий сакральный смысл.

Теперь всё стало ясно, сомнений не оставалось. Раллих натянул лук и, дождавшись, когда смолкнет последнее тремоло, спустил тетиву. Стрела вонзилась в шею, сидящий упал лицом в угли.

Стан подскочил, ухватил упавшего за ноги, волоком оттащил от огня.

– Вервольф? – спросил Раллих.

– Да.

– Почему он одет?

– Разговоры потом. Сейчас быстро кипятить воду в этом котелке, а потом самому мыться в ручье. А я потом – если успею. Через час, а может и раньше, луна войдёт в нужную фазу. За это время надо с хрустальной икрой разобраться и подготовиться к драке с оборотнями.

Раллих подхватил котелок и кинулся к роднику, возле которого была обустроена стоянка. Притащил воды, пристроил котелок прямо на угли, побежал заниматься стиркой и мытьём.

Когда он, посиневший от родниковой воды, вернулся к огню, там вовсю кипела работа. Часть углей Стан отгрёб в сторону, и там горел второй костёр, на котором обугливались вещи Стана: головной платок, очки из змеиной кожи, перчатки.

– Проще сжечь, чем отмыть, – пояснил Стан. – Всё ядом заплёвано. Да ещё и колючки. Они колючками через трубку плевались. Хорошо, ни одна куртки не пробила. Но разукрасили меня, что бешеного ёжика.

Оборотень лежал чуть в стороне от костра. Стрела, пробившая горло, торчала в ране. Куртку и сапоги жертвы Стан уже снял, так что тело лежащего можно было разглядеть в подробностях. Ничего звериного в нём не наблюдалось. Раллих обратил внимание, что руки вервольфа завёрнуты за

спину и крепко связаны.

– Зачем это?

– Так он ещё дышит. Живучий, чертяка.

– Добить, и дело с концом.

– Не стоит торопиться, особенно там, где уже ничего не переделаешь. Вам доводилось видеть трансформацию вервольфа? Мне – много раз, но этот случай особенный, ведь человеческая ипостась смертельно ранена. Хватит ли сил на превращение, а появившийся зверь будет ли здоровым или полудохлым? Охотнику надо знать все эти вещи. Но пока моя очередь мыться в ручье, а вы следите за кострами; вода скоро закипит.

От ручья Стан вернулся такой же продрогший, что и Раллих, клещами осторожно поднял свою куртку. Оглядел и отложил в сторону.

– Тоже проще сжечь... И волчью куртку ведь так просто не наденешь: блох в ней, что цыган на рынке. Вот чего в толк не возьму: оборотни – магические существа, а от блох избавиться не могут. Что об этом феномене говорит высокая наука?

– Наука потому и высокая, что низкими проблемами блох не занимается.

– А любой сельский заклинатель на раз блох выводит.

– Это ему жизненно необходимо, а знатокам высокой магии – зачем?

– Нам сейчас это тоже жизненно необходимо, искусают до

крови. Хотя куртку в любом случае не стоит натягивать, не проверив хорошенько. Кто скажет, чего она набралась, кроме блох, пока её носил оборотень.

– Всё-таки, – повторил Раллих свой вопрос, – почему оборотень был одет? Откуда у него человеческий наряд?

– Потому что это не простой волколак, а князь-вервольф. Матёрый самец, который не раз забегал в живые земли и залез, по меньшей мере, одного человека. Это одежда его жертвы.

– Куда одежда деваётся, когда он перекидывается в волка?

– Возможно, уходит под шкуру. Думаю, скоро узнаем точно.

– Вода закипела, – сообщил Раллих, не забывавший о порученном деле.

Стан откупорил берестянку, в которой лежал зеленоватый комок хрустальной икры.

– Сейчас поглядим, зря старались или нет.

– Чья это может быть икра? – спросил Раллих.

– Кто ж его знает?.. Не спросили. Но я подозреваю, эту икру сами гнилые карлики мечут, они к жабам ближе, чем к людям.

– Но этот... наш посланник сказал, что он икру ест!

– И что с того? Окуни собственную икру тоже глотают. А у карликов на пожранье хрустальной икры ограничения наложены. Пожирать икру дозволено только сильным самцам. Да и гадкая она на их вкус. А так, икра как икра, ничего осо-

бенного. Если и есть в ней магическая суть, то природная, пока не начнёт себя проявлять – не заметишь. Ну, что, приступим?

Стан осторожно вывалил хрустальную икру в котелок. Вода помутнела.

– Теперь берите ваш жезлик... тот, что с сапфиром, и размешивайте. Ну, как?

– Ничего не чувствую.

– Ещё не время. Пусть проварится как следует, а потом простынет. Как там икра, полностью разошлась?

– Полностью.

– Тогда котелок с огня снимайте, а жезл пусть в вареве остаётся.

– Стан, что это? – выкрикнул Раллих.

Издалека, нарастая волной, катился вой. То было не заунывное пение скучающих оборотней, а знак, сигнал к началу большой охоты. Кончилось время тощей луны, и теперь две недели ничтожное племя будет царить над Вымертом, выбегая в окрестные поля, а спесивые люди станут жаться за грядой частоколов и читать свои немощные заклятья.

Тело, только что казавшееся бездыханным, изогнула судорога, невыносимая для человека, и от костра пополз, скребя задними лапами, матёрый волчина с густой проседью на хребте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.